

231
1156

64.
B34.

231
A 1156

А 231
1156

Д. С. Фаминцын

ДРЕВНЕ - АРІЙСКІЕ И ДРЕВНЕ - СЕМИТСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ ВЪ ОБЫЧАЯХЪ, ОБРЯДАХЪ, ВѢРОВАНІЯХЪ И КУЛЬТАХЪ СЛАВЯНЪ.

Содержаніе. Обрядные огни.—Живая вода.—Наузы. Красная нить.—Кровь, мясо и кожа жертвеннаго животнаго.—Поминальные обряды.—Переряживанія.—Первый снопъ.—Послѣдніе плоды.—Низверженіе жертвы съ высоты.—Коровій навозъ, какъ очистительное средство.—Черты культа балтійскихъ славянъ-язычниковъ: храмы (общій планъ, украшенія, храмовыя богатства, храмовая утварь, пурпуровыя завѣсы и одежды); идолы; верховный жрецъ; загадочныя параллели.

Міросозерцаніе народовъ славянскаго племени до настоящаго времени во многихъ отношеніяхъ сохранило языческій характеръ. Христіанство заглушило въ народѣ немало языческихъ представленій, замѣнило языческія имена древнихъ боговъ именами христіанскаго Бога и святыхъ; но, не взирая на тысячелѣтнее свое господство, оно не въ силахъ было сломить глубоко коренящіяся въ народѣ языческія преданія и вѣрованія, вытѣснить древніе языческіе обряды и обычаи, продолжающіе и нынѣ жить въ народѣ, связываясь съ праздниками и обрядами христіанской церкви. Главнѣйшіе христіанскіе праздники, по большей части, лишь замѣстили собою праздники языческіе: древнія названія ихъ замѣнились новыми, но характеръ ихъ въ народномъ обиходѣ почти не измѣнился; мало того, многіе праздники сохранили въ народѣ и языческія названія, продолжающія существовать рядомъ съ новыми, христіанскими, и даже имѣющія въ народѣ преобладающее значеніе. Такъ, напр., зимній праздникъ Рождества Христова носитъ на языкѣ разныхъ славянскихъ народовъ названія: „Божичъ“, „Божикъ“, „Коляда“; канунъ Рождества наиболѣе извѣстенъ подъ именами: „Бадній день“, „Бадній вечеръ“, „Щедрый (или Богатый) вечеръ“, „Корочунъ“. Другой главнѣйшій народный праздникъ, лѣтній, день св. Іоанна Крестителя, носитъ названіе „Купало“,

мѣстами „Ярило“. Великій весенній праздникъ Воскресенія Господня во многихъ мѣстахъ называется на народномъ языкѣ „Великимъ днемъ“; вторникъ на Святой Недѣлѣ именуется „Купальницей“, понедѣльникъ Ооминой недѣли—„Радунницей“, Юрьевъ день, а мѣстами Ооминъ понедѣльникъ—„Красной горкой“, канунъ Юрьева дня—„Ляльникомъ“, недѣля Св. Отецъ извѣстна подъ названіемъ „Русальной“, „Клечальной“, „Зеленой недѣли“, четвергъ на этой недѣлѣ—называется „Русалкинымъ великимъ днемъ“, праздникъ Пятидесятницы — „Русалья“, „Rusadlj“, „Turice“ и т. п. Кромѣ того, народъ въ разныхъ мѣстахъ имѣетъ своихъ особенно пзлюбленныхъ святыхъ, замѣстившихъ прежнихъ любимыхъ боговъ, и особенно почитаетъ ихъ память, вовсе не сообразуясь съ офиціально установленными, такъ называемыми табельными, праздниками. Къ наиболѣе популярнымъ и почитаемымъ святымъ православныхъ славянъ принадлежатъ: свв. Георгій, Николай Чудотворецъ, Іоаннъ Креститель (или ап. Петръ) и прор. Илья; особеннымъ уваженіемъ пользуются также почитаемые парами святые: Борисъ и Глѣбъ, Флоръ и Лавръ, Козьма и Дамьянъ. Сюда же принадлежитъ и св. Пятница (Параскева), въ честь которой 12 разъ въ году празднуются такъ называемыя „временныя“ или „именныя пятницы“, предшествующія разнымъ большимъ годовымъ праздникамъ или слѣдующія за ними, кромѣ того, 9 „торговыхъ пятницъ“ въ теченіе 9 недѣль, начиная съ Пасхи; наконецъ, уваженіе къ св. Пятницѣ распространено такъ сильно, что даже всѣ 52 пятницы въ году считаются во многихъ мѣстахъ праздниками почти столь же важными, какъ воскресенье, и въ эти дни считается грѣхомъ работать, въ особенности прясть и пахать землю: „пятница не работница“, говорятъ великоруссы. По древнему языческому обычаю, субботы считаются по преимуществу днями поминовенія, посвящаются воспоминанію объ усопшихъ родичахъ и чествованію ихъ: по народному опредѣленію, „въ пятницу добрые люди не пряли, въ субботу родителей поминали“. Православная церковь, очевидно, сообразуясь съ древними народными преданіями, опредѣлила помянуть усопшихъ, между прочимъ, въ субботы передъ праздниками Рождества Христова, Сошествія Св. Духа, Успенія Пресв. Богородицы; народъ же преимущественно справляетъ поминки, кромѣ кануна масленицы и дня Радунцы, въ субботы Троицкую, Покровскую и Дмитровскую.

Независимо отъ всего вышесказаннаго, нельзя не обратить вниманія на то, что народъ почитаетъ святыхъ христіанской церкви предпочтительно въ качествѣ представителей того или другого явленія, дѣйствія, занятія въ области преимущественно земледѣльческой жизни; оттого онъ придаетъ имъ эпитеты, соотвѣтствующіе времени года, занятіямъ, обычаямъ и обрядамъ, связаннымъ съ даннымъ временемъ, нисколько не заботясь о согласованіи этихъ эпитетовъ съ основнымъ характеромъ тѣхъ святыхъ и житіемъ ихъ, которое, конечно, въ большинствѣ случаевъ остается ему совсѣмъ неизвѣстнымъ. Въ Великой Руси почитаются, напр.: свв. Петръ Полукормъ (16 янв.), Аѳанасій Ломоносъ (18 янв.: „на Аѳанасья береги носъ“ отъ мороза), Тимофей Полужимникъ (22 янв.), Акинсія Полужимница (24 янв.), Василій Капельникъ (28 февр.—начало оттепелей), Евдокія Весновка (1 марта — начало весны), Кононъ Градарь (5 марта—начинаютъ копать огороды) и т. д. черезъ весь годъ. Очевидно, что христіанскіе святые, будучи гораздо многочисленнѣе, чѣмъ древніе языческіе боги, не только замѣстили послѣднихъ въ народномъ сознаніи, но и сами послужили къ увеличенію ряда обоготворяемыхъ представителей явленій природы, къ чрезвычайной специализаціи этихъ олицетвореній: говоря напр. о свв. Евдокіи, Николаѣ, Пантелеймонѣ, народъ имѣетъ въ виду именно Евдокію *Весновку*, Николу *Травника* или *Мокрого*, Пантелеймона *Паликона*, т.-е. представителей весны, весенней зелени и влаги, лѣтняго палящаго зноя и грозъ, сожигающихъ конны. Соотвѣственно тому и главнѣйшіе христіанскіе праздники — Рождество, Пасха, Юрьевъ день, Ивановъ (или Петровъ) день, Троицынъ и Духовъ дни и др. въ средѣ всѣхъ славянъ, въ особенности же южныхъ и восточныхъ, сравнительно менѣе подвергавшихся вліянію цивилизаціи, и въ наше время еще сопровождаются обрядами и обычаями, не имѣющими ничего общаго съ христіанствомъ; напротивъ, всматриваясь въ эти странные и непонятные для городского „цивилизованнаго“ жителя обряды, съ непоколебимою стойкостью продолжающіе по сію пору бытовать въ простомъ деревенскомъ народѣ, мы невольно переносимся въ глубь языческой старины, передъ нами возстаетъ живая, интересная картина древняго языческаго быта славянъ.

Не только христіанскіе праздники, но даже и таинства христіанской церкви — крещеніе и въ особенности бракъ — обставлены

въ народѣ такими обычаями и обрядами, которые вполне гармонируютъ съ упомянутыми выше праздничными обрядами, къ христіанскому же таинству никакого отношенія не имѣютъ. Христіанскій обрядъ того или другого таинства является только внѣшнимъ образомъ пристегнутымъ къ обрядамъ языческимъ. Извѣстно, напр., что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малой Руси до сихъ поръ бракъ считается дѣйствительно совершеннымъ только послѣ брачнаго пиршества—„весілля“—главнаго акта языческой свадьбы; церковное же торжество, не сопровождающееся „весіллямъ“, которое нерѣдко бываетъ далеко послѣ церковнаго вѣнчанія, не влечетъ за собою никакихъ послѣдствій состоявшагося брака, не даетъ ни супружескихъ правъ, ни обязанностей, которыя вступаютъ въ силу лишь послѣ свадебнаго торжества. Общество не допуститъ, чтобы новобрачная до „весілля“ перешла въ домъ новобрачнаго, не допуститъ до фактическаго супружества. Въ случаѣ смерти кого-либо изъ повѣнчанныхъ церковью новобрачныхъ до отпращиванія брачнаго пира, умершій хоронится, какъ холостой. Съ другой стороны, мѣстами встрѣчается обычай обходиться сговоромъ, безъ вѣнчанія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлой Руси церковный обрядъ, хотя и считается обязательнымъ, тѣмъ не менѣе сговоръ даетъ право жениху и невѣстѣ жить между собою брачно, и они, со дня сговора или „заручинъ“, называются уже молодыми, т.-е. новобрачными.

✓ Не менѣе древними языческими обрядами обставлены похороны и въ особенности поминки по усопшимъ, сопровождаемые жертвоприношеніями и возліяніями на могилахъ, которыя совершаются въ точно опредѣленные дни и промежутки времени, жертвенными трапезами и голошеніемъ причитаній, опять обнаруживающихъ совершенно языческій взглядъ народа на смерть и загробное состояніе усопшихъ, при чемъ христіанскіе погребальныя и поминальныя обряды опять являются только внѣшнимъ образомъ связанными съ обрядами языческими. Покойные родители и родственники представляются обыкновенно спящими непробуднымъ сномъ или горюющими, проливающими „горючія слезы“ во тѣмъ могилѣ, въ узкихъ „домкахъ“; руки покойнаго крѣпко придавлены къ ретивому сердцу; „ясныя очи“ и „сахарныя уста“ его замкнуты; „бѣлое лицо“ его покрыто „ржавчиной“. Поминающіе сообщаютъ покойнымъ родителямъ, въ причитаніяхъ, о своемъ великомъ горѣ,

вѣсть о которомъ служить утѣшеніемъ переселившимся въ мрачную обитель мертвыхъ, напр.:

(Изъ великорусскаго причитанія дочери по отцѣ:)

„Скройсь-ко (т.-е. раскройся), да гробова доска,

Распахнитесь, да бѣлы саваны!

Отвалитесь, да ручки бѣлыя,

Отъ ретива, да отъ сердечушка,

Разожмитесь, да уста сахарныя!

Обернись-ко-ся, да мой родимый батюшка,

Перелетнымъ ты, да яснымъ соколомъ...

Ты обмой-ко, родимый мой батюшко,

Со бѣлова лица ржавщину...

Ты послушай-ко, родимый батюшко,

Горе-горькихъ нашихъ пѣсенекъ!“

(Изъ великорусскаго же причитанія по родителямъ и родственникамъ:)

„Родненькіе наши батюшки! не досаждайте своего сердца ретиваго, не рудите своего лица бѣлаго, не смежайте очей горючей слезой! Али вамъ, родненькимъ, встосковалось по отцу съ матерей, по милымъ дѣтушкамъ, по ласковымъ невѣстушкамъ? И вы, наши родненькіе, встаньте, пробудитесь, поглядите на насъ, на своихъ дѣтушекъ, какъ мы горемычемъ на семъ бѣломъ свѣтѣ... Ужъ вы, наши родненькіе, взгляните-ка на насъ, сиротъ, изъ своихъ домковъ, да потѣшьте словомъ ласковымъ...“

Что можно найти общаго между содержаніемъ приведенныхъ народныхъ причитаній и христіанскимъ воззрѣніемъ на загробную жизнь?

Итакъ, во всѣхъ сферахъ народной жизни, несомнѣнно, обнаруживается значительное преобладаніе или даже господство чисто-языческаго міросозерцанія. Мало того, главнѣйшія черты этого міросозерцанія съ удивительною послѣдовательностью проявляются и повторяются въ пѣсняхъ, поговоркахъ, заговорахъ, преданіяхъ, обрядахъ и обычаяхъ разныхъ славянскихъ народовъ, представляющихъ тѣсное фамиліальное родство. Понятно, что корень общихъ славянскимъ народамъ языческихъ вѣрованій, преданій, обрядовъ слѣдуетъ искать въ далекой обще-славянской старинѣ. Извѣстно, какъ крѣпко простой народъ держится исконныхъ, свойственныхъ ему,

освященныхъ стариною, унаслѣдованныхъ имъ отъ предковъ религіозныхъ понятій и обрядовъ и какъ скептически и враждебно, именно въ этой области, относится ко всему новому, непривычному, тѣмъ болѣе—иноземному, если оно способно нарушить издревле установленный, точно опредѣленный строй его домашней и общественной, обрядной и религіозной жизни. Не болѣе склоненъ бываетъ онъ къ принятію въ свои обрядныя пѣсни какихъ-либо новыхъ, чуждыхъ ему элементовъ. Если, слѣдовательно, существуетъ въ народѣ повсемѣстно какой-нибудь обрядъ, выраженный въ точно опредѣленной формѣ, связанный съ извѣстнымъ днемъ или временемъ года, или съ извѣстнымъ обстоятельствомъ или дѣйствіемъ въ кругу семейной или общественной его жизни, то такой обрядъ, безъ сомнѣнія, можетъ считаться древнимъ; если тотъ же обрядъ встрѣчается у разныхъ народовъ, между которыми не было настолько близкихъ, тѣсныхъ сношеній, чтобы можно было предположить возможность сильнаго между ними взаимодѣйствія, то такая общность даннаго обряда говоритъ въ пользу еще гораздо большей его древности.

Измѣненія внѣшнихъ, преимущественно климатическихъ условій, при которыхъ слагалась жизнь языческихъ славянъ, по мѣрѣ ихъ переселеній и расселеній (независимо отъ принятія ими въ позднѣйшія времена христіанства), неминуемо должны были отразиться и на ихъ религіи. Переходя изъ знойнаго юга на холодный сѣверъ, народъ невольно становился въ другія отношенія къ окружающей его природѣ: ясное, лазуревое южное небо, днемъ озаренное лучами благодѣтельнаго, но въ то же время грознаго, палящаго, всепожигающаго солнца, а ночью блещущее яркими огнями звѣздъ, на сѣверѣ замѣнилось блѣднымъ, большую часть года заволоченнымъ сѣрыми тучами небеснымъ сводомъ; сѣверный житель съ жадностью ловить каждый лучъ солнца, согревающаго холодную почву, большую часть года скованную морозомъ, покрытую льдомъ и снѣгами. Въ сѣверныхъ широтахъ солнце естественно утратило всю свою грозную природу, получивъ на народномъ языкѣ названіе „матушки краснаго солнца“; звѣзды которыя играли столь важную роль въ религіяхъ южныхъ народовъ, преимущественно семитскаго племени, у славянъ—тѣмъ болѣе восточныхъ—почти вовсе потеряли свое мифологическое значеніе; солнце сосредоточило на себѣ преимущественное вниманіе народа,

на солнце перенесены многія черты и свойства, въ древнія времена приписывавшіяся другимъ небеснымъ свѣтиламъ. Грозный, губительный для человѣка и всей живой природы южный зной, приносящій засуху и заразу, на сѣверѣ замѣнился холодною сыростью, лютыми выюгами и морозами. На югѣ человѣкъ проводитъ большую часть своей жизни подъ открытымъ небомъ, невольно созерцая явленія окружающей его природы, на сѣверѣ же — онъ ютится въ теплой избѣ, защищающей его отъ ненастья, дождей и мятелей: вмѣсто яркаго звѣзднаго неба, онъ созерцаетъ пламя очага, которое любитъ и почитаетъ, какъ святыню.

Кромѣ климатическихъ условій, на строй религіознаго міровоззрѣнія человѣка вліяютъ и обстоятельства политическаго характера: смѣшеніе или даже сліяніе съ другими народами, покоряемыми даннымъ народомъ или покоряющими его, болѣе или менѣе оживленныя торговыя и иныя сношенія или столкновенія съ другими народами, успѣхи въ цивилизаціи и, наконецъ, перѣдко встрѣчающееся въ исторіи народовъ непосредственное воспріятіе имъ новаго вѣроученія отъ болѣе сильныхъ, болѣе цивилизованныхъ сосѣдей. Всѣмъ поименованнымъ вліяніямъ неоднократно подвергались и народы славянскаго племени. Чѣмъ разнообразіе и сильнѣе были эти вліянія, тѣмъ болѣшія видоизмѣненія должно было съ теченіемъ вѣковъ претерпѣть и основное, древнее религіозное міровоззрѣніе славянскихъ народовъ. Въ настоящее время отъ прежней религіи сохранилось въ народѣ только нѣсколько малопонятныхъ ему именъ божествъ, которыя продолжаютъ удерживаться въ его памяти лишь въ силу того, что они входятъ въ составъ обрядныхъ пѣсенъ, обрядныхъ изреченій и пр. Послѣднія же, въ свою очередь, неразрывно связаны съ народными обычаями и обрядами, которые, хотя и являются обыкновенно утратившими въ народномъ сознаніи свое первоначальное значеніе, тѣмъ не менѣе обладаютъ чрезвычайно живучестью. Обрядъ обыкновенно и долженъ служить критеріемъ при объясненіи смысла сопровождающихъ его изреченій и пѣсенъ. Языческихъ обрядовъ сохранилось въ народѣ еще очень много, и они даютъ намъ способы къ проникновенію въ тайны древнѣйшихъ вѣрованій, давно утраченныхъ и забытыхъ, къ возведенію скудныхъ остатковъ древнихъ религіозныхъ представленій, о которыхъ, несомнѣнно, свидѣлствуютъ многія народныя пѣсни и изреченія,

заговоры, поговорки и пр., къ первоначальному ихъ источнику, къ восстановленію ихъ въ первоначальномъ ихъ видѣ.

Языческія преданія и вѣрованія или суевѣрія славянъ, и нынѣ еще преисполняющія ихъ жизнь, какъ увидимъ ниже, находятся въ тѣсной связи съ вѣрованіями и преданіями древнихъ народовъ и при томъ не только арійскаго племени, на что неоднократно было уже указываемо изслѣдователями, но и семитскаго, на что еще мало было обращено вниманія. Нити, связующія данные преданія, вѣрованія и сопряженные съ ними обряды во многихъ случаяхъ могутъ быть прослѣжены въ глубокую даль минувшихъ вѣковъ и тысячелѣтій, а потому возникновеніе ихъ должно быть отнесено къ этой далекой старинѣ или даже ко временамъ еще болѣе древнимъ. Многія черты языческо-религіознаго міровоззрѣнія и обрядовъ славянъ естественно и вразумительно объясняются древними памятниками восточныхъ народовъ, изъ чего, однако, не слѣдуетъ, чтобы все онѣ непременно были заимствованы изъ тѣхъ именно народовъ, въ сохранившихся болѣе или менѣе случайно памятникахъ которыхъ онѣ находятъ себѣ разъясненіе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ повторяющіяся въ древности и въ новѣйшее время черты народной жизни, обычаевъ, повѣрій могутъ быть возводимы къ одному, общему, древнѣйшему источнику—многовѣковой практикѣ первобытной жизни человѣчества: въ эту доисторическую эпоху должны были сложиться въ азіатской колыбели народовъ арійской и семитской семей основные элементы такъ называемой житейской мудрости этихъ народовъ, порождавшей извѣстные религіозныя представленія и вѣрованія, извѣстные жизненные правила, обычаи и обряды, основной смыслъ которыхъ нынѣ, при значительно измѣнившихся условіяхъ жизни и взглядахъ народовъ, нерѣдко оказывается уже утраченнымъ изъ народнаго сознанія, но онъ не утратился для человѣчества, такъ какъ успѣлъ фиксироваться въ твореніяхъ писателей минувшихъ вѣковъ и тысячелѣтій. Въ другихъ случаяхъ возможны непосредственныя или посредственныя заимствованія однимъ народомъ отъ другого. Къ этой послѣдней категоріи должны быть отнесены, напр., рѣзко выдающіяся черты религіознаго быта и культа балтійскихъ славянъ-язычниковъ, обнаруживающія сильныя, въ данныхъ случаяхъ прочимъ славянамъ несвойственныя, вліянія семитскія и малоазійскія.

1. ОБРЯДНЫЕ ОГНИ.

Во многихъ мѣстахъ Малой и Бѣлой (отчасти и Великой) Руси существуетъ обычай на праздникъ Ивана Купала, т.-е. въ пору *высшаго солнцестоянія*, зажигать на горахъ и поляхъ *костры*. Обычай этотъ искони распространенъ не только среди и другихъ славянскихъ народовъ, но и вообще во всей западной Европѣ. Независимо отъ этого, почти повсемѣстно въ Европѣ до настоящаго времени удержалось обыкновеніе встрѣчать праздникъ Рождества Христова, отправляемый на противоположномъ полюсѣ годового круга, т.-е. въ пору *низшаго солнцестоянія*, возжиганіемъ *огней*. У южныхъ славянъ наканунѣ Рождества *сожигается* громадное *бревно*, носящее названіе „баднякъ“. Въ Галицкой и Малой Руси наблюдаютъ, чтобы во всю ночь на Рождество горѣлъ въ хатахъ *огонь*, мѣсто же южно-славянскаго бадняка заступила *солома*, которую *жгутъ* мѣстами на второй день праздника, мѣстами въ Новый годъ. Воспоминаніе о возжигавшихся встарину на праздникъ Рождества (на „Коляду“) кострахъ сохранилось въ нѣкоторыхъ мало-и галицко-русскихъ рождественскихъ пѣсняхъ („колядкахъ“), гдѣ, напр., упоминается „чудо-чудное, *вогнемъ* страшное“, или изображается собраніе святыхъ кругомъ пылающихъ костровъ: „коло тыхъ *огневъ* усе святыє“, наконецъ, говорится о *плекѣ* кругомъ костра:

„Тамъ же горитъ терновый *огникъ*,
Коль *огня* ходитъ широкій танецъ“.

Въ Великой Руси, напр., въ Саратовской губ., *сожигаютъ* наканунѣ Нового года на улицѣ огромный ометъ *соломы*, называемый „Костромой“; въ Курской губ. наканунѣ Рождества и Крещенія *жгутъ* *навозъ* на дворѣ. И въ великорусскихъ святочныхъ пѣсняхъ сохранилось воспоминаніе о возжиганіи рождественскихъ костровъ, напр., по словамъ такой пѣсни, въ дѣсахъ дремучихъ „*огни* *горятъ* великіє“; другая колядка, записанная въ Саратовской губ., начинается словами: „за рѣкой *огонь* *горитъ*“. Въ западной Европѣ преимущественно сохранился обычай *сожигать* на Рождество, какъ у южныхъ славянъ, *бревно*, носящее въ разныхъ мѣстахъ разные названія, напр., во Франціи — *souche de Noël*, *calendeau* и т. п., въ Германіи — *Weihnachstblock*, въ Англіи — *Yule-clog*, въ Швеціи — *Iula-brasa*; въ сѣверной Италіи данный обычай называется: „*arder il cerro*“ (жечь бревно). Словомъ, почти повсемѣстно въ Европѣ, въ обря-

дахъ или, по крайней мѣрѣ, въ пѣсняхъ уцѣлѣли остатки общаго всѣмъ населяющимъ ее народамъ, а слѣдовательно, несомнѣнно весьма древняго обычая—*возжигать огни въ праздники высшего и низшаго солнцестоянія*, и небозошибочно будетъ искать корни ихъ въ представленіяхъ и обычаяхъ народовъ древнѣйшей цивилизаціи.

По представленію древнихъ аріевъ, огонь (*Аgni*) низошелъ на землю съ неба въ видѣ молніи. И земному, и небесному огню воздавались *божескія почести*. Въ ведійскихъ гимнахъ огонь именуется повелителемъ вселенной, мудрымъ царемъ, также отцомъ, братомъ, сыномъ, другомъ человѣка. Постоянно проявляется здѣсь *благодѣтельное* по отношенію къ человѣку *дѣйствіе огня*, какъ возносителя жертвоприношеній къ богамъ, какъ разителя и губителя враговъ, какъ собирателя семьи у домашняго очага. Святость и чистота огня требовали особенно почтительнаго къ нему отношенія, съ другой стороны, огню приписывалась *очистительная сила*: отсюда обрядъ сожиганія мертвыхъ у древнихъ индусовъ, посредствомъ котораго умершіе очищались при переходѣ въ загробную жизнь.

Такую же *очистительную, возрождающую* къ новой жизни силу приписывали огню и семиты; но, кромѣ того, они въ небесномъ огнѣ, находившемся, по ихъ представленію, въ высшей небесной сферѣ, видѣли источникъ солнечнаго блеска, источникъ грознаго, губительнаго, всепожирающаго лѣтнаго зноя и сопряженныхъ съ нимъ засухи, заразы и т. п., и придавали, слѣдовательно, огню не столько *благодѣтельное*, сколько *страшное, мѣрное, яростное, всепоглощающее и истребляющее* значеніе. Въ книгахъ ветхаго завета неоднократно находятъ себѣ выраженіе такое представленіе огненной стихіи, неоднократно рисуется ослѣпительная картина области небеснаго огня, гдѣ въ грозной славѣ и величіи царитъ Владыка вселенной, карающій и сокрушающій пламенемъ, ниспосылаемымъ имъ съ неба. Пророкъ Даніилъ въ видѣніи своемъ видѣлъ „Ветхаго днѣмъ“, возсѣдающимъ на престолѣ, который былъ „какъ *пламя огня*“. „Отверзлись небеса“ пишетъ прор. Іезекіиль, „и я видѣлъ видѣнія Божія: великое облако и клубящійся *огонь* и *сіяніе* вокругъ него, а изъ срединны его какъ бы *свѣтъ* *пламени* изъ срединны *огня*, и изъ срединны его видно было подобіе четырехъ животныхъ... и видъ этихъ животныхъ былъ, какъ видъ горящихъ углей, какъ видъ лампадъ; *огонь* ходилъ между живот-

ными, и *сіяніе отъ огня и молнія исходили отъ огня*“. Самъ Іегова является какъ бы олицетвореніемъ небеснаго огня: „Господь Богъ твой есть *огонь поядающій*“; „познайте могущество мое“, говоритъ Господь.. „кто изъ васъ можетъ жить при *огни пожирающемъ*, кто изъ васъ можетъ жить при *вѣчномъ пламени*?“ Давидъ такъ изображаетъ картину гнѣва Господня: „поднялся дымъ отъ гнѣва Его и изъ устъ Его *огонь поядающій*“. Объ огнѣ, исходящемъ отъ Господа, приносящемъ смерть и разрушеніе, часто упоминается въ книгахъ ветхаго завета; Іегова — по-истинѣ *огненный Богъ*, являющійся въ разныхъ видовыхъ формахъ у разныхъ семитскихъ народовъ. Ассирійскій богъ огня *Адаръ* (величаемый иногда и эпитетомъ *Маликъ-Молохъ*) такъ характеризуется на древнихъ надписяхъ: „богъ, *освящающій народы и солнце*“, „*свѣтъ боговъ*“, „страшный владыка храбрыхъ, царь силы, разоритель враговъ, покоритель непослушныхъ, истребитель мятежниковъ, царь желѣза“, словомъ, какъ представитель войны, символомъ которой въ древности неоднократно служилъ огонь. У народовъ Ханаанскихъ, въ Сиріи и Финикіи, грозный представитель огня носилъ названіе *Молохъ* (Малахъ, Молахъ). Культъ его характеризовался приношеніемъ ему въ жертву людей (взрослыхъ и младенцевъ), *предавшихся пламени*. Обычай *сожиганія людей* въ честь Ваала-Молоха перенесенъ былъ финикіянами и въ Кароагенъ, а оттуда — въ Сардинію, главнѣйшую Кароагенскую провинцію. Жертвоприношенія эти частью повторялись періодически, частью обуславливались особыми обстоятельствами общественной и частной жизни и имѣли, соотвѣтственно тому, характеръ то умиловительный (когда постигали народъ бѣдствія: война, засуха, чума), то обѣтныи или благодарственный. Въ древнемъ Египтѣ былъ сходный обычай сожигать живыхъ людей въ честь бога засухи и огня, *Сета*, или *Сутеха* (*Тифона* греческихъ писателей). Это имѣло мѣсто во время каникулъ, т.-е. въ пору сильнѣйшаго зноя. Въ Галліи, въ культѣ Друпдовъ, по словамъ греческихъ и римскихъ авторовъ, также существовали жестокіе жертвенные обычаи, обнаруживающіе вліяніе семитскаго культа Молоха; сооружались изъ прутьевъ колоссальныя человѣческія фигуры, пустыя внутри; онѣ наполнялись *живыми людьми*, иногда *людьми и животными*, и *сожигались*.

Пельзя не видѣтъ остатковъ этого древняго семитско-галльскаго обычая въ нѣкоторыхъ жертвенныхъ обрядахъ, сопровождающихъ

возжиганіе ивановскихъ костровъ. Во Франціи встарину *сжигали на ивановскомъ костръ живыя кошки или лисицы*, заключенныя въ корзинкѣ или въ мѣшкѣ. Въ Прибалтичѣ еще недавно существовалъ, а можетъ быть, еще и нынѣ существуетъ обычай *сжигать на ивановскомъ огнѣ живыхъ змѣй*. Раздирающіе крики и отчаянныя искривленія тѣла сгорающихъ живыхъ животныхъ привѣтствовались толпой громкимъ ликованіемъ и бѣшенными плясками кругомъ огня, напоминающими неистовыя пляски и бѣснованіе хаппалскихъ народовъ кругомъ жертвенника Ваала-Молоха. Дальнѣйшее ослабленіе древняго семитскаго обычая представляетъ *сжиганіе на ивановскомъ кострѣ костей мертвыхъ животныхъ* (во Франціи) или *лошадиной головы* (въ Германіи). Въ одной галицко-русской купальской пѣснѣ сохранилось воспоминаніе о *сожженіи* („испеченіе“) *на ивановскомъ кострѣ* („сobotкѣ“) *слѣпой кошки*:

„Долишняне! горишняне!
Сходьтеся до насъ на sobotку,
Спечемъ вамъ слѣпую котку“.

Въ Ижорѣ (въ окрестностяхъ Петербурга) еще въ прошедшемъ столѣтіи наканунѣ Иванова дня при пляскахъ *сжигали на кострѣ бѣлаго пѣтуха*. Эсты бросаютъ въ огонь ивановскаго костра *разные предметы* (камни, куски дерева, прутья и т. п.), въ качествѣ *жертвенныхъ даровъ* огню, произнося при этомъ: „мнѣ лень, огню—сорныя травы“.

Въ то время какъ во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ, относящихся преимущественно до западной Европы, костры, возжигаемые въ пору высшаго солнцестоянія, являются *жертвенными* огнями, на которыхъ богу небснаго огня приносятся въ даръ живые и не живые предметы, они у славянъ болѣе или менѣе утрачиваютъ жертвенный характеръ, а пріобрѣтаютъ предпочтительно *символическое значеніе*, служа какъ-бы *эмблемой небснаго огня*, уничтожающаго и пожигающаго расцвѣтшую весною природу: у славянъ на ивановскомъ кострѣ сжигается молодое дерево («маикъ») или соломенная кукла («Марена», «Купало» и т. п.), или цвѣты и вѣйки, служащія символами божества весенняго плодородія (ср. мой очеркъ: «Богиня весны и смерти въ пѣсняхъ и обрядахъ славянъ». Вѣстникъ Европы 1895 г. іюнь и іюль). Самый огонь ивановскихъ костровъ во многихъ мѣстахъ носятъ въ

народъ характеристическія названія: «живой огонь», «царь огонь» (Новгородск. губ.), «божій огонь», «небесный огонь» — «Himmels Feuer» (въ Швабіи), и даже «средо-лѣтній Вааль» — «Midsommersbaal» (въ Давіи).

Я упоминалъ уже выше о томъ, что древніе народы какъ арійскаго, такъ и славянскаго племени приписывали огню вообще *очи- стительную силу*. На томъ же представленіи основаны разныя обрядныя дѣйствія, которыми сопровождается возжиганіе обрядныхъ костровъ: такъ повсемѣстно у славянъ распространенъ обычай *проводитъ скотъ черезъ пламя костровъ* (не только ивановскихъ, но и масленичныхъ, пасхальныхъ) и *скакать черезъ ивановскіе костры*, съ цѣлью обезпеченія себя отъ погубныхъ вліяній злой, нечистой силы, словомъ—для очищенія отъ недуговъ настоящихъ и будущихъ. Тотъ же обычай соблюдается и у многихъ европейскихъ народовъ, съ тою же цѣлью очищенія. Во Франціи не только *скачутъ черезъ огонь* взрослые, но *переносятся* черезъ него и дѣти. Въ Шотландіи молодые люди *скачутъ черезъ огонь*, въ то время какъ пожилые бормочатъ молитву; дѣвушки *переходятъ черезъ пламя костровъ* въ надеждѣ получить жениха, беременныя женщины—чтобы роды были легки. И шотландцы *переносили черезъ огонь* дѣтей. Въ Греціи женщины, *прыгая черезъ ивановскіе костры*, восклицаютъ: «избавляюсь (т.-е. очищаюсь) отъ грѣховъ». Обычай во время скотскаго падежа *зажигать огонь* посреди скотнаго загона и *проводитъ черезъ него скотъ*, съ цѣлью предохраненія его отъ заразы, былъ извѣстенъ уже въ древней Индіи. Провожденіе же дѣтей черезъ огонь было обычаемъ весьма распространеннымъ у народовъ семитскихъ, о чемъ неоднократно свидѣтельствуютъ книги ветхаго завѣта, напр.: «не долженъ находить- ся у тебя *проводящій сына своего или дочь свою черезъ огонь*». Сыны израилены, впадая въ идолопоклонство, поклонялись Ваалу и *проводили сыновей своихъ и дочерей своихъ черезъ огонь*. Обрядъ этотъ, по свидѣтельству другихъ мѣстъ, совершался въ честь Ваала-Молоха, при чемъ остался еще неразъясненнымъ, было ли цѣлью этого обряда очищеніе проводимыхъ черезъ огонь, или символическое выраженіе ихъ сожиганія, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ фактически приводилось въ исполненіе.

Сопоставляя все вышеизложенное, приходимъ къ заключенію, что огонь ивановскихъ костровъ, возжигаемый въ пору высшаго

солнцестоянія, прежде всего представляет символъ небеснаго огня, источника лѣтняго зноя. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (преимущественно въ западной Европѣ), какъ уже было замѣчено мною раньше, огню этому приносятся жертвы, въ другихъ (преимущественно среди славянъ) онъ, какъ эмблема небеснаго огня, пожираетъ символы божества весенняго плодородія. Повсемѣстно огню этому приписывается очистительная сила, предохраняющая отъ недуговъ, обезпечивающая здоровье, плодородіе и благополучіе.

Эта послѣдняя, именно *очистительная* и въ то же время *возрождающая, животельная сила огня* преимущественно находитъ себѣ выраженіе въ обрядныхъ *огняхъ*—*рождественскомъ* или *новогоднемъ* и родственныхъ ему *весеннихъ*. Южно-славянская рождественская пѣсня воспѣваетъ стараго бадняка и молодого божича. Старый «баднякъ»—дубовое бревно, сгорающее наканунѣ Рождества—*возрождается* въ образъ молодого божича, представителя даннаго праздника. «Кострома», у которой, по словамъ сопровождающей сожиганіе ея пѣсни, «головушка болитъ», словомъ, больная въ зимнюю пору богиня, сгорая на рождественскихъ свѣткахъ, очевидно, *возрождается* посредствомъ огня и является позже представительницей весенняго плодородія, въ пору зноя опять погибающей и оплакиваемой (ср. «Богиня весны и смерти»). Къ этой же категоріи слѣдуетъ отнести и весьма распространенный въ разныхъ мѣстахъ Европы обрядъ сожиганія (или потопленія) въ весеннюю пору пучковъ соломы, чучелъ (Марены, Смерти) и т. п., заключающійся встрѣчей и привѣтствованіемъ возродившейся весны (ср. тамъ-же). Обряды *возжиганія костровъ*, какъ выраженіе *самосожженія*, съ цѣлью *возрожденія* героевъ и героинь древнихъ мифовъ, мы находимъ у народовъ семитскихъ: такъ, въ Тарсѣ (въ Киликіи) черезъ каждыя пять лѣтъ праздновалось торжество въ честь Сандана, при чемъ *сожигалось на костръ его изображение*. Санданъ, киликійскій Гераклъ, по выраженію Вебера, «посредствомъ *самосожженія* побѣждаетъ враждебныя ему силы и *возрождается* къ новой жизни очищеннымъ и юнымъ; подобно ему и Сарданапалъ, по вѣрованію семитскихъ народовъ, *из пламени пожравшаго его костра* выходитъ *героємъ, полубоємъ*». Отправлявшійся финикійцами въ Тиръ ежегодно праздникъ въ честь пробуждающагося отъ зимняго сна солнечнаго героя Геракла-Мел-

карта, вѣроятно, также сопровождался возженіемъ костровъ,—на это указываетъ древнее свидѣтельство о гробницѣ Геракла въ Тирѣ, гдѣ онъ былъ *«сожженъ огнемъ»*. Память о сожженіи Геракла-Мелкарта праздновалась и финикійской колоніей въ Гадирѣ (Кадиксъ). По греческому сказанію, Гераклъ, погибающій отъ отравы, въ предсмертныхъ мукахъ вступаетъ на воздвигнутый для него *костеръ*. Костеръ *разгорается*, и богоподобный витязь, при раскатахъ грома и сверканіи молніи, на облакѣ, очистившись отъ недуга, возрожденный *возносится на небо*. И въ мѣстахъ о Семирамидѣ, Дидонѣ (карфагенской Астартѣ) и другихъ богиняхъ того же цикла, также важную роль играетъ актъ *самосожженія героини* мѣа. Извѣстно то высокое значеніе, которое у нѣкоторыхъ народовъ передней Азіи имѣли связанные съ особыми символическими обрядами, церемоніями и переряживаніями праздники костровъ и факеловъ, отправлявшіеся въ честь и воспоминаніе *очищенія и обновленія огнемъ* того или другого божества. Эти праздники костровъ даютъ намъ ключъ къ уразумѣнію основного значенія и нашихъ обрядныхъ костровъ новогоднихъ и весеннихъ, также символически выражающихъ *возрожденіе посредствомъ огня* одряхлѣвшаго въ пору кратчайшихъ дней солнца, или замершей, застывшей отъ зимней стужи природы, точнѣе—божественной представительницы ея, весною обновляющейся и оживающей.

2. Живая вода.

Отъ акта оживленія или очищенія огнемъ перехожу къ не менѣе распространенному въ древнихъ религіяхъ обряду омовенія, купанія, погруженія въ воду или *оживленія водой*. Въ другомъ мѣстѣ¹⁾ я обратилъ вниманіе на то, что солнце и двойникъ его огонь представляютъ по преимуществу предметъ культа мужского, а вода—женскаго населенія: мужчины въ обрядныхъ дѣйствіяхъ болѣе группируются около огня, женщины—около воды. Къ славянскимъ обрядамъ, въ которыхъ главную роль играютъ женщины, принадлежатъ между прочимъ совершаемые раннею весною проводы смерти и встрѣча весны (лѣта). Отдѣльные моменты этого торжества, до сихъ поръ отправляемаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Че-

¹⁾ „Божества древнихъ славянъ“. I. 300, 301.

хія, Моравія, Польши¹⁾, заключаются: 1) въ шествіи съ чучеломъ, изображающимъ смерть (смертоносную богиню), изъ селенія къ водѣ; 2) въ срываніи съ него облекающей его одежды (если чучело не одѣто, то его самого разрываютъ на части); 3) въ *погруженіи чучела въ воду* (потопленіи, иногда замѣщаемомъ сожиганіемъ, см. выше), послѣ чего 4) срубаютъ деревцо, изображающее воскресшее лѣто, одѣваютъ его въ платье, въ которое передъ тѣмъ одѣто было чучело (=метаморфозъ «Смерти» въ «Лѣто»), украшаютъ пестрыми лентами и блестками и съ пѣснями и ликованіемъ вносятъ въ селеніе. Главный актъ обряда состоитъ въ *погруженіи* (вверженіи) *изображенія Смерти въ воду*, вслѣдствіе чего *Смерть превращается въ «Лѣто»* т.-е. въ богиню весны (лѣта), символомъ которой служитъ разукрашенное деревцо. Погруженіе изображенія божества въ воду, омовеніе его или обновленіе силъ его водою, составляло и главнѣйшую часть обрядныхъ дѣйствій, ежегодно совершавшихся въ честь матери-земли Nerthus въ древней Германіи, Великой матери Идейской въ Римѣ, богини Сирійской въ Гіерополисѣ и др. Драгоцѣнный древне-ассирійскій клинописный памятникъ повѣствуетъ о нисхожденіи богини Истары (Астарты) въ подземное царство, какъ бы смерть ея, и затѣмъ оживленіе или воскресеніе ея посредствомъ излитія на нее живой воды: богиня нисходитъ въ мрачную обитель бога Иркалла, къ дому, не имѣющему выхода, по пути, по которому уже нѣтъ возврата. Мракъ царствуетъ въ этой области, пыль покрываетъ ворота, въ которыя она стучится. Стражъ отпираетъ ворота и, когда она проходитъ черезъ нихъ, снимаетъ съ головы ея тиару, у вторыхъ воротъ онъ вынимаетъ изъ ушей ея серьги, у третьихъ воротъ онъ снимаетъ ожерелье съ ея шеи, у четвертыхъ—одежду съ ея груди, у пятыхъ—поясъ съ ея платья, у шестыхъ—запястья съ ея рукъ и ногъ, у седьмыхъ—одежду съ ея плечъ: «Такъ поступаетъ Нинкигала (богиня преисподней)—говоритъ онъ—съ тѣми, кто приходитъ къ ней». Всѣ члены богини Истары: глаза, руки, ноги, сердце, голова поражаются болѣзною. Но міръ не можетъ жить безъ Истары, подательницы плодородія. Богъ Іа посылаетъ вѣстника къ Нинкигалѣ съ приказаніемъ отпустить Истару. Нинкигала велитъ *оросить Истару живой водой*, она исцѣляется отъ недуговъ, воз-

1) Подробности см. въ статьѣ: „Богиня весны и смерти“.

вращается къ жизни и отправляется въ обратный путь на землю; у каждаго изъ семи воротъ ей возвращаются снятыя съ нея одѣянія и украшенія. «Живая вода», какъ средство для очищенія, упоминается и въ Ветхомъ заветѣ, также въ откровеніи Іоанна. «Живая вода» творитъ чудеса и въ русскихъ былинахъ. На народномъ языкѣ нынѣ «живой водой» называется дождевая, т.-е. небесная влага.

3. НАУЗЫ. КРАСНАЯ НИТЬ.

Въ народной медицинѣ и волшебныхъ чарахъ у всѣхъ славянъ играютъ значительную роль *наузы, узлы, навязки-амулеты*, замѣчаетъ Аоанасьевъ и приводитъ многочисленныя старинныя свидѣтельства христіанскихъ писателей славянскихъ, порицавшихъ ношеніе и навязываніе „бѣсовскихъ“ узловъ и наузъ. Наузы состояли изъ различныхъ привязокъ, надѣваемыхъ на шею. Большею частью это были травы, корни и иныя снадобья, которымъ суевѣріе приписывало *цѣлебную силу*. Въ христіанскую эпоху употребленіе въ наузахъ *ладона* (который получилъ особенно важное значеніе, потому что возжигается въ храмахъ) до того усилилось, что всѣ привязки стали называться *ладонками*, даже и тогда, когда въ нихъ не было ладону. Ладонки до сихъ поръ играютъ важную роль въ простонародѣ: отправляясь въ дальнюю дорогу, путники надѣваютъ ихъ на шею, въ предохраненіе отъ бѣдъ и порчи. Волшебныя привѣски, чародѣйныя мѣшочки издревле извѣстны были въ числѣ суевѣрій, заимствованныхъ евреями отъ филистимлянъ и противъ которыхъ возстаютъ пророки и учителя Израіля: „въ тотъ день отниметъ Господь красивыя цѣпочки на ногахъ, и звѣздочки, и луночки... и привѣски волшебныя“, восклицаетъ прор. Исаія. „Горе сшивающимъ чародѣйныя мѣшочки подъ мышки“, восклицаетъ прор. Іезекіиль. Такія привѣски (талисманы) весьма распространены были въ древности у халдеевъ и ассиріянъ. Онѣ были разныхъ родовъ: то представляли кусочки матерій, заключавшіе въ себѣ тексты заклинательныхъ формулъ и привѣшивавшіеся къ предметамъ домашней утвари или къ платью, то приготовлялись изъ другихъ матеріаловъ и носились на шеѣ, какъ предохранительное средство противъ демоновъ, болѣзней, бѣдствій. Въ музеяхъ древностей встрѣчаются многочисленныя ассирійско-вави-

лонскія каменные привѣски, на которыхъ вырѣзаны изображенія боговъ и геніевъ, а равно и заклинательныя формулы, въ которыхъ рѣчь идетъ объ изгнаніи злыхъ демоновъ, чумы и т. п. и призываются благія божества и добрые демоны на пользу и благо человѣку. Славились въ древности и такъ называемыя „эфесскія письма“, т.-е. заклинательныя слова или формулы, которыя въ видѣ привѣсокъ носились жителями Эфеса, съ цѣлью предохраненія себя отъ дурныхъ вліяній; онѣ же, по народному вѣрованію, способны были изгонять демоновъ изъ людей. Подобныя же привѣски извѣстны были и въ Милетѣ. Заключавшіяся въ нихъ „милетскія письма“ представляли смѣсь словъ греческихъ и фригійскихъ.

Особенное значеніе придается у всѣхъ славянъ *красной нити*, *красной шерсти* или *ленточкѣ*: въ Болгаріи, около Татаръ - Базарджика, къ числу обрядовъ, совершаемыхъ беременными женщинами 8 января (въ такъ называемый „Бабинъ день“), принадлежитъ принятіе отъ бабки *нити красной шерсти*, которая, вмѣстѣ съ другими предметами, должна способствовать скорѣйшему разрѣшенію отъ бремени. У мазуровъ *красная ленточка*, надѣтая на шею новорожденнаго младенца, служитъ къ огражденію его отъ вреднаго вліянія чужого глаза. У чеховъ также *красная повязка* оберегаетъ ребенка отъ заколдованія или порчи. Въ Россіи *девять нитокъ красной шерсти*, навязанныя на шею ребенка, предохраняютъ его отъ скарлатины; отъ лихорадки носятъ на рукахъ и на ногахъ *повязки изъ красной шерсти* или *тесемы*; если „разовьется“, т.-е. заболитъ связка ручицы кисти, то ее обвязываютъ *красною пряжею*. Суевѣрія эти опять гнѣздятся въ древнѣйшихъ преданіяхъ. Законъ Моисея, столь энергически порицавшій всякія чародѣянія, волхвованія и волшебство сосѣднихъ съ евреями народовъ, очевидно, вслѣдствіе слишкомъ глубоко вкоренившейся въ сознаніе народа древней традиціи о чудодѣйственныхъ свойствахъ красной нити, не только не гнушается употребленія ея въ дѣло, какъ магическаго средства противъ нечистоты или оскверненія (родственнаго болѣзни, дурному глазу и пр., такъ какъ пелѣненіе отъ недуга, глаза и пр. есть очищеніе), но даже предписываетъ прибѣгать, между прочимъ, къ этому средству при очищеніи дома: „и возьметъ кедровое дерево, и вѣсопъ, и червленую нить, и живую птицу, и омочитъ ихъ въ крови птицы заколотой и въ живой водѣ, и покропитъ домъ семь разъ. И очиститъ домъ кровію птицы и

живою водою, и живою птицею, и кедровымъ деревомъ, и несопомъ, и *червеною нитью*". Евреи, можетъ быть, заимствовали вѣрованіе въ чудесную силу красной нити изъ Египта. Египетскіе жрецы-книжники, по свидѣтельству Діодора, послали на головѣ перо коршуна и *пурпуровую нить*. У римлянъ жена юпитерова жреца, бывшая въ то же время и жрицей Юпоны, обязательно, по *древнему обычаю*, украшала голову свою особой пирамидальной прической, черезъ которую пропускалась *шерстяная лента пурпуроваго цвѣта*. Гриммъ указалъ на датскія народныя пѣсни, въ которыхъ герою, для „закрѣпленія себя“, т.-е. для огражденія своего племени и своей жизни, перевязываютъ шлемъ *красной шелковинкой*.

4. КРОВЬ, МЯСО И КОЖА ЖЕРТВЕННОГО ЖИВОТНОГО.

Въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, при разсмотрѣніи жертвенныхъ обрядовъ древнихъ славянъ, я указалъ на важное значеніе, которое приписывалось славянами-язычниками жертвенной крови. Болгары и нынѣ еще, когда колютъ барановъ въ Юрьевъ день, собираютъ истекающую изъ жертвеннаго животнаго *кровь* въ чашу и употребляютъ ее, какъ *цѣлительное средство*. Жрецы балтійскихъ славянъ *пили жертвенную кровь*, которая пробуждала въ нихъ даръ *пророчанія*. На вкушеніе у русскихъ *жертвенной крови* намекаетъ митрополитъ Пларіонъ; *кровью* убитой на Рождество свиный до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи *брызгаютъ въ огонь*, и ей приписывается способность *изгонять нечистую силу* изъ хлѣва. Такое же благотворное дѣйствіе приписывается и нынѣ еще *крови* пѣтуха, закалываемаго латышами въ Уснѣевъ день, *изливаемой* на овесъ или на косякъ двери въ конюшнѣ. Съ такою же цѣлью чехи въ страстной четвергъ (мѣстами въ страстную пятницу или субботу) зарѣзываютъ двухъ молодыхъ голубей и *кровь* ихъ *изливаютъ* на приготовленные для прочихъ голубей пшеничныя зерна. Голуби, поѣвшіе этихъ зеренъ, тѣмъ *предохраняются* отъ всякихъ *невзгодъ*. У литовскихъ народовъ жрецъ (вуршкайтъ) возлагалъ руку на обреченное на закланіе жертвенное животное и, заколовъ его, собранную въ чашу *кровь* *распрыскивалъ* или *окропалъ* ею присутствовавшихъ; остатокъ же крови послѣдніе дѣлили между собой, и каждый *окропалъ* ею у себя дома свою скотину.

1) Бож. др. слав. I, 43 и сл.

Сравнимъ опять описанные обряды со сходными обрядами нѣкоторыхъ древнихъ народовъ. У римлянъ въ позднѣйшія времена существовалъ заимствованный изъ Фригіи обычай *очищенія отъ грѣховъ* посредствомъ *крови* жертвеннаго животнаго (Taurobolia). По словамъ церковнаго писателя Пруденція, посвящаемый садился въ яму, которую покрывали пробуравленными, на подобіе рѣшета, досками. На этихъ доскахъ закалывалось жертвенное животное: кровь струей лилась изъ раны черезъ отверстія въ яму и орошала и обагряла находившагося въ ямѣ; вѣрующій ловилъ ее устами, обмывалъ себѣ ею лицо, пропитанныя же кровью платья тщательно берегались. Этому кровавому крещенію приписывалась очистительная сила „возрожденія“, какъ свидѣлствуютъ нѣкоторыя древнія надписи. Перехожу къ обрядамъ кроваваго жертвоприношенія, предписаннымъ Моисеемъ: прежде чѣмъ рѣзать животное, жертвователь возлагалъ на него свою руку (какъ литовскій вуршкайтъ, см. выше). Возложеніе одной или обѣихъ рукъ на голову жертвеннаго животнаго имѣло значеніе перенесенія на послѣднее грѣховъ, во искупленіе которыхъ совершалось жертвоприношеніе: „возложить руку свою на голову жертвы за грѣхъ и заколетъ ее за грѣхъ“, предписывалъ Господь Моисею, или въ другомъ мѣстѣ: „возложить Ааронъ обѣ руки свои на голову живого козла и исповѣдаетъ надъ нимъ всѣ беззаконія сыновъ израилевыхъ, и всѣ преступленія ихъ, всѣ грѣхи ихъ, и возложитъ ихъ на голову козла... и понесетъ козелъ на себѣ всѣ беззаконія ихъ“. По закланіи козла, собиралась въ чашу истекавшая изъ раны *кровь*; право собирать кровь принадлежало одному священнику. Обходя кругомъ алтаря съ упомянутою чашею въ рукахъ, онъ *окроплялъ кровью* или *обмазывалъ* ею рога, ножки, углы и стѣнки алтаря, а остальную выливалъ на стѣнку алтаря или у его подножія. Крови приписывалась способность *омывать отъ грѣховъ* народъ, *очищать отъ преступленій* народа святилище и жертвенникъ. Кровь жертвеннаго агнца употреблялась евреями и при посвященіи въ священническій санъ: ею окроплялось ухо и большой палецъ руки и ноги посвящаемаго и одежда его. Сходный обрядъ совершался евреями и при очищеніи челоуѣка отъ грѣховъ. Рядомъ съ упомянутыми обрядами встрѣчается у евреевъ и простое окропленіе народа жертвенною кровью изъ чаши, какъ у древнихъ славянъ и литовцевъ.

Важная роль, которую играла у евреевъ кровь, объясняется тѣмъ, что, по представленію ихъ, *въ крови заключалась душа животного*; вотъ почему одни только священники имѣли право собирать жертвенную кровь, и строго запрещалось закономъ вкушать кровь: „*Душа тѣла въ крови*“, говорилъ Господь Моисею: „Я назначилъ ее вамъ для жертвенника, чтобы очищать души ваши, ибо кровь сія душу очищаетъ... Не ѣшьте крови ни изъ какого тѣла, потому что *душа всякаго тѣла есть кровь его*; всякій, кто будетъ ѣсть ее, истребится“, или: „строго наблюдай, чтобы не ѣсть крови, потому что *кровь есть душа*; не ѣшь души вмѣстѣ съ мясомъ, не ѣшь ея, выливай ее на землю, какъ воду“.

Послѣ всего сказаннаго становится яснымъ, отчего и древніе славяне (въ особенности балтійскіе), и народы литовскіе, вѣрованія которыхъ находятся въ тѣсной связи съ древнѣйшими преданіями человѣчества, придавали столь важное значеніе жертвенной крови. Душа жертвеннаго животного, въ видѣ крови его, очищала отъ грѣховъ п козней злой силы народъ, который жрецъ окроплялъ кровью; она же ограждала окропляемый скотъ отъ всякихъ невзгодъ и бѣдствій. Душа жертвеннаго животного, проникая въ уста балтійско-славянскаго жреца, въ видѣ крови, которую онъ испивалъ, *пробуждала* въ немъ *духъ пророчанія*. На томъ же, безъ сомнѣнія, основаніи Одиссей, прибывъ въ царство мертвыхъ, закалываетъ овецъ и предлагаетъ „черную кровь“ ихъ тѣнямъ умершихъ, которыя, напившись ея, получаютъ вновь сознаніе и „*способность възвѣщать истину*“.

При „мирныхъ жертвоприношеніяхъ“ евреевъ главную часть обряда составляло убіеніе жертвеннаго животного и *съѣденіе его мяса*. Священное значеніе вкушенія мяса жертвеннаго животного, нерѣдко подававшее поводъ къ обрядному объѣденію на большихъ народныхъ торжествахъ (ср. послѣжертвенные пиры въ честь Геракла, Геркулеса, Святовита Арконскаго и др.), подтверждается слѣдующими словами Ветхаго завѣта: „Она (жертва) должна быть съѣдаема на святомъ мѣстѣ, на дворѣ скинии собранія. Все, что прикоснется къ мясу ея, *освятится*... Весь мужской полъ священническаго рода можетъ ѣсть ее,—это *великая святыня*“. На томъ же самомъ принципѣ основано и величайшее таинство христіанской церкви, предписывающей *вкушеніе крови и тѣла* Искупителя міра, божественнаго *агнца*, принявшаго на себя *грѣхи* челове-

ства; священная трапеза христіанской церкви—та же „великая святыня“; ею вѣрующіе очищаются отъ грѣховъ и дѣлаются причастными вѣчной жизни и вѣчнаго блаженства.

По закону Моисея, тукъ и сальникъ на печени при „мирной жертвѣ“ сожигались на жертвенникѣ, изъ остальной же части на долю священника приходилась *грудь и правое плечо* его; при жертвѣ же „всесоженія“, т.-е. при сожиганіи всего животнаго, за исключеніемъ *кожи*, послѣдняя поступала въ пользу священника. У болгаръ, по совершеніи обряднаго закланія барашковъ въ Юрьевъ день, *ночь*, прочтя молитвы, и нынѣ еще беретъ съ cadaго хозяина по четверти барашка, кромѣ прочей провизіи; сходный обычай имѣетъ мѣсто и у сербовъ; священникъ же получаетъ и *шкуру* барашка.

5. ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ.

Къ главнѣйшимъ поминальнымъ праздникамъ въ Россіи принадлежатъ *весеннія* поминки, нынѣ совершаемыя въ день Радуницы („Навій день“), т.-е. во вторникъ на Оомной недѣлѣ, также въ Троицкую субботу; поминуютъ на Руси покойниковъ и наканунѣ масленицы, т.-е. въ самую раннюю *весеннюю* пору; съ перенесеніемъ же празднованія Нового года на 1-ое января, т.-е. на начало святокъ, поминовеніе усопшихъ родственниковъ мѣстами, какъ напр. въ Малой Руси, вошло и въ число святочныхъ обрядовъ. Болгары также отправляютъ поминки („задушницы“) въ извѣстныя субботы въ теченіе *весны*. Сербо-хорваты справляютъ „Радуницу“ въ понедѣльникъ на Оомной недѣлѣ. Кромѣ того, главнѣйшимъ поминальнымъ днемъ („задушница“) у сербовъ служитъ всесвятское воскресенье, т.-е. также одинъ изъ *весеннихъ* праздниковъ.—У древнихъ римлянъ такъ называемые *родительскіе дни* (dies parentales) отправлялись передъ самымъ наступленіемъ *весны* или новаго года, по старому календарю, а именно во второй половинѣ февраля, съ 13-го по 21-е число этого мѣсяца. Въ Прагѣ, по народному вѣрованію, *души усопшихъ пробуждались весной*, вмѣстѣ съ пробужденіемъ природы. Въ это время, а именно въ теченіе послѣднихъ пяти дней стараго года (февраля) и первыхъ пяти—новаго (марта), слѣдовательно, въ то-же, приблизительно, время, какъ у древнихъ римлянъ и славянъ, онѣ *нисходили на землю*,

посѣщали дома своихъ родственниковъ и принимали отъ нихъ угощенія: „Кто жертвуетъ имъ (душамъ усопшихъ)“, говорится въ Авестѣ, „рукою, снабженною мясомъ, рукою, снабженною одеждой, съ молитвою, достигающей чистоты, того благословляютъ удовлетворенные, не мстительные, не оскорбленные, сильные фравашн (души усопшихъ), чистые: въ этомъ домѣ (говорятъ они) будетъ изобиліе быковъ, людей, въ немъ будутъ быстрые кони и крѣпкая колесница; тотъ мужъ будетъ пользоваться почтеніемъ, будетъ главою собранія, кто намъ постоянно жертвуетъ рукою, снабженною мясомъ, рукою, снабженною одеждой, съ молитвою, достигающею чистоты“. Выраженный здѣсь взглядъ на отношеніе людей къ усопшимъ родственникамъ продолжаетъ и нынѣ существовать въ народѣ у всѣхъ славянъ. На Руси, когда зимою, послѣ трескучихъ морозовъ, настанетъ вдругъ оттепель, поселяне замѣчаютъ, что „родители вздохнули“, т.-е. мертвые повѣяли (дохнули) тепломъ, Въ Россіи же существуетъ повѣріе, что на первый день Пасхи (одинъ изъ важнѣйшихъ *весеннихъ* праздниковъ, когда *воскресаетъ* природа) открывается небо, и въ продолженіе всей свѣтлой подѣли души усопшихъ (подобно иранскимъ фравашн) постоянно обращаются между живыми, посѣщаютъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, ѣдятъ, пьютъ и радуются вмѣстѣ съ ними. — Древніе индусы нерѣдко призывали усопшихъ къ своимъ жертвеннымъ трапезамъ; ихъ, „родителей“, приглашали присѣсть къ огню, имъ предлагались ежедневно угощенія, а въ каждое поволуніе въ честь ихъ устраивались особенныя *номинальныя трапезы*. Парсы (потомки древнихъ иранцевъ), подобно предкамъ своимъ, въ теченіе перваго года послѣ смерти кого-либо изъ родственниковъ, поминаютъ его ежедневно молитвою къ фравашн, пропзносимою передъ ѣдою, а черезъ мѣсяцъ послѣ смерти—особенною службою. Затѣмъ, въ слѣдующіе года, въ 4-й, 10-й и 30-й дни каждаго мѣсяца, въ особенности же въ теченіе упомянутыхъ десяти дней, при наступленіи новаго года, также возносятся молитвы къ фравашн.—Такъ и у славянъ до сихъ поръ повсемѣстно, въ извѣстные въ году номинальные дни, а также въ извѣстные промежутки времени послѣ смерти родственника, въ 9-й, 20-й, 40-й дни и пр. (болгары посѣщаютъ могилы своихъ родныхъ на 3-й, 9-й, 12-й, 20-й и 40-й дни; затѣмъ эти посѣщенія повторяются черезъ 3, 6, 9 и 12 мѣсяцевъ) совершаются дома или на могилахъ своеобразные обряды,

составная часть которыхъ заключается во-первыхъ въ угощеніи умершихъ виномъ, пивомъ, блинами и другими яствами, которыя ставятся на столъ (или мечутся подъ столъ), когда поминовение происходитъ дома, или же кладутся или выливаются на могилу, когда оно совершается на кладбищѣ, и во-вторыхъ- въ слѣдующей за тѣмъ *поминальной трапезѣ*.

„Въ *Троицкую субботу*“, по словамъ Стоглава (1550 г.), „по селомъ и погостамъ сходятся мужи и жены на жалъникахъ и *плачутся по гробомъ умершихъ* съ великимъ воплемъ“. Прекрасной иллюстраціей къ этому свидѣтельству могутъ служить слова Оларія, путешествовавшаго по Россіи въ 30-хъ годахъ XVII столѣтія и описавшаго поминки, происходившія въ *Троицкую же субботу* на русскомъ кладбищѣ въ Нарвѣ: „кладбище было наполнено русскими женщинами, разстилавшими на могилахъ и надгробныхъ памятникахъ прекрасно вышитые пестрые платки; на платки ставились блюда съ блинами и пирогами, рыбой и крашеными яйцами; онѣ частью стояли у могилы, частью лежали распростертыми на нихъ, выли и вопили, обращая разные вопросы къ покойникамъ. Менецій (въ началѣ XVI вѣка), рассказывая о поминальных обрядахъ русскихъ на нашей западной окраинѣ, говоритъ, что во время поминальной трапезы (происходившей на дому) бросали подъ столъ по кусочку отъ кушаній, также выливали пиво, какъ *угощеніе душамъ умершихъ*. Если что-нибудь съѣстное случайно падало со стола на полъ, то упавшее не поднималось, а оставлялось, какъ говорилъ народъ, въ пользу умершихъ. По окончаніи же пиршества, знахарь выметалъ изъ избы метлою души умершихъ, произнося: „ѣли-пили, *душечки*, а теперь *ступайте* вонъ, вонъ!“ И нынѣ еще бѣлоруссы, въ осенній поминальный праздникъ, сядя за трапезу, приглашаютъ души умершихъ (дзядовъ-дѣдовъ) прилетѣть къ нимъ:

„Святы дзяды, зовемъ васъ: *ходзице до насъ!*
Есць тутъ усё, что Богъ даў,
Чимъ только хата богата,
Просимъ васъ, *ляцице* (=летите) *до насъ!*“

По окончаніи ужина встаютъ изъ-за стола, молятся Богу и расходятся, приговаривая:

„Святые дзяды, *ляцице* *цеперь* до неба!“

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великой Руси, когда совершаются годовыя поминки на дому въ честь всѣхъ усопшихъ родичей, незримо присутствующихъ при этомъ обрядѣ, хозяинъ, по окончаніи трапезы, открываетъ окно, распускаетъ на улицу кусокъ холста и приглашаетъ покойниковъ возвратиться въ свои загробныя жилища по посланному полотну: „*ступайте съ Богомъ! вотъ тутъ будетъ вамъ помягче!*“ Болгары, посѣщая въ указанные выше дни могилу умершаго и принося съ собою угощеніе (вареный лчмень, рисъ, кружку съ виномъ или водкой), увѣрены, что *душа усопшаго присутствуетъ* тутъ же и принимаетъ съ признательностью приношенія. Далматскіе морлаки, по свидѣтельству Фортиса (XVIII в.), совершали поминки по умершемъ въ каждый праздникъ въ теченіе цѣлаго года: женщины, приходя на могилу, орошали ее слезами, украшали цвѣтами, посыпали душистыми травами. Если по какой-либо причинѣ приходилось пропускать праздникъ безъ отправленія поминокъ, то онѣ извинялись въ томъ передъ покойникомъ, бесѣдуя съ нимъ, какъ съ живымъ, и давая ему подробный отчетъ о причинахъ, принудившихъ ихъ не исполнить, по отношенію къ нему, своего долга. Во всѣхъ данныхъ случаяхъ обнаруживается существованіе въ сознаніи народовъ славянскаго племени древне-арійскаго представленія о тѣсныхъ отношеніяхъ человѣка къ усопшимъ его родичамъ.

Не останавливаясь на болѣе подробномъ описаніи угощеній мертвыхъ, которое завело бы меня слишкомъ далеко, ограничусь приведеніемъ слѣдующихъ словъ мусульманскаго писателя первой половины X вѣка, Ибнъ-Дасты, свидѣтельствующихъ о древности у славянъ-язычниковъ обряда поминовенія мертвыхъ: „черезъ годъ по смерти покойнаго берутъ (славяне) кувшины въ двадцать *меду*, иногда нѣсколько больше, а иногда нѣсколько меньше, и несутъ ихъ на тотъ холмъ (на которомъ стоялъ сосудъ съ пепломъ сожженнаго мертвеца), гдѣ собирается семейство покойнаго, *идятъ, пьютъ* и затѣмъ расходятся“. По словамъ Теофилакта (ок. 629 г.) у варваровъ, подъ именемъ которыхъ Котляревскій узнаетъ *придунайскихъ славянъ*, былъ обычай праздновать *поминки* по усопшимъ.

Въ число обрядныхъ дѣйствій, которыми и нынѣ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у южныхъ славянъ сопровождается гореваніе по умершимъ, издревле принадлежало обыкновеніе дѣлать *наръзы* на тѣль и царапины на лицѣ, а также *обстригать* волосы въ

знакъ великой скорби: въ Черногоріи, при оплакиваніи мертвыхъ, многіе *исцарапываютъ* себѣ *лица*, струящуюся же изъ царапинъ кровь не стираютъ и не смываютъ, и нѣкоторые по нѣскольку недѣль ходятъ съ лицомъ, испещреннымъ засохшею кровью. Кромѣ того, женщины иногда *обръзываютъ* себѣ *волосы* или, по крайней мѣрѣ, ходятъ первое время послѣ смертнаго случая съ *непокрытой головой*. Сербы также нѣсколько времени ходятъ безъ шапокъ, т.-е. съ *обнаженной головой*. Въ Черногоріи мать и сестры умершаго *обръзываютъ* себѣ *косы* и кладутъ въ могилу, вмѣстѣ съ покойникомъ. Чехи, по словамъ хроники Бѣльскаго, оплакивая смерть Любуши, бросали въ разведенный для могилы огонь *обръзанные волосы и ногти*. «Ни *кожескромія* не творятся, ни *лицедранія*», говорится въ житіи Константина Муромскаго. По свидѣтельству Кадлубка (ум. 1223 г.), по случаю смерти польскаго князя Казимира, «можно было видѣть, какъ съ *исцарапанныхъ* ногтями *лицъ* нѣкоторыхъ женъ и дѣвицъ кровь текла струями», нѣкоторые наносили себѣ раны другими орудіями. Названный выше мусульманскій писатель Ибнъ-Даста говоритъ, что славянскія женщины, «когда случится у нихъ покойникъ, *царапаютъ* себѣ *пожомъ руки и лицо*». — Лукіанъ (въ II вѣкѣ по Р. Хр.) описываетъ сходный обрядъ оплакиванія мертвца во времена Римской имперіи: «начинается плачь и голошеніе женщинъ (голошенія плакальщицъ до сихъ поръ въ обычаѣ у славянъ), всѣ проливаютъ слезы, ударяютъ себя въ грудь, *вырываютъ* себѣ *волосы* и *исцарапываютъ* себѣ *до крови щеки*». Скифы, по свидѣтельству Геродота, въ знакъ скорби, по случаю смерти царя, *отрѣзали* себѣ *уши*, *обстригали волосы*, дѣлали *нарьзы на рукахъ*, *исцарапывали* себѣ *лобъ и носъ*, *прободали стрѣлою лѣвую руку*. Сходный обычай съ древнѣйшихъ временъ извѣстенъ былъ и у народовъ азіатскихъ, о чемъ свидѣлствуютъ многіе тексты Ветхаго заветъа, напр.: «не дѣлайте *нарьзовъ* на тѣлѣ вашемъ и не *выстригайте волосъ* надъ глазами вашими по умершемъ». Прор. Іеремія такъ изображаетъ картину скорби моавитянъ о постигшей ихъ гибели: «у каждаго *голова гола* и у каждаго *борода умалена*, у всѣхъ *на рукахъ царапины*». «*Снимая съ себя волосы, остригись, скорби* о нѣжно любимыхъ сынахъ твоихъ; *расширь* изъ-за нихъ *лысину*», пишетъ прор. Михей. По словамъ Лукіана, финикіянки въ Вивлѣ, оплакивая ежегодно смерть Адониса, *обстригали*

себѣ *волосы*; то-же самое дѣлали и египтянки, по случаю смерти божественнаго быка Аписа. По египетскому сказанію, Изидѣ, узнавъ о гибели Озириса, *отрѣзала прядь волосъ* съ головы своей и облеклась въ траурное одѣяніе. О приношеніи, въ честь умершихъ, на могилу ихъ *волосъ*, практиковавшемся на островѣ Делосѣ, упоминаетъ Геродотъ. Итакъ, поминальные обряды славянъ опять представляютъ тѣсную связь съ таковыми-же обрядами народовъ древняго міра.

6. ПЕРЕРЯЖИВАНІЯ.

Повсемѣстно распространенный въ Европѣ обычай *рядиться*, именно на святкахъ и на масленицѣ, а равно и во время майскаго (весенняго) праздника, коренится также въ глубокой древности. Праздники святокъ и масленицы, и по времени отправленія, и по характеру своему, представляютъ несомнѣнное родство съ сопряженными съ *переряживаніями* же праздниками январскихъ календъ и либералій (въ мартѣ) древнихъ римлянъ и малаго и великаго Діонисовыхъ торжествъ древнихъ грековъ (отправлявшихся въ декабрѣ и мартѣ); празднества эти, находясь въ тѣсной, неразрывной связи съ культомъ соотвѣтствующихъ боговъ (Януса, Либерѣ, Діонисѣ), имѣли *религіозно-обрядный* характеръ.

Не связана-ли основная мысль переряживанія мужчинъ въ женскія платья и женщинъ въ мужскія съ религіознымъ воззрѣніемъ народовъ семитскихъ, вообще оказывавшихъ немалое вліяніе на культуру европейскихъ аріевъ? Въ средѣ семитскихъ народовъ возникло представленіе о соединеніи въ *одномъ* божественномъ лицѣ свойствъ *двухъ половъ*, словомъ—о гермафродитизмѣ. Такъ, напр., въ Сиріи *Астартѣ* и *Ваалъ* слились въ одно *двуполое* божество; въ книгѣ Товита упоминается о приношеніи жертвы *«Ваалу юницѣ»*; въ Пафосѣ высокимъ уваженіемъ пользовалась статуя *бородатой Афродиты*. Въ Сиріи, въ извѣстные торжественные дни въ честь Ваала, *жрецы* и *поклонники двуполаго бога* являлись въ красноватыхъ прозрачныхъ *женскихъ сорочкахъ* и прочемъ *женскомъ одѣяніи*, между тѣмъ какъ *женщины* одѣвались въ *мужское платье* и вооружались *мечами и копьями*. На островѣ Косѣ, по свидѣтельству Плутарха, *жрецъ Геракла* приносилъ богу своему жертву, облеченный въ *женское одѣяніе* и съ *повязкой на голову*.

Обыкновеніе переряживаться порицалось уже въ книгахъ Ветхаго завіта. «*На женщинъ не должно быть мужской одежды, читаемъ въ книгѣ Второзаконія, — и мужчина не долженъ одѣваться въ женское платье, ибо мерзокъ передъ Господомъ Богомъ твоимъ, всякій, дѣлающій сіе*». Почти тѣми-же словами выражается о переряживаніи русскихъ Номоканонъ, изданный въ Кіевѣ въ 1624 г.: «*Нынѣ христіанскія дѣти сіе творятъ: въ одежду женскую мужья облачаются и жены въ мужскую*». Письменные свидѣтельства о русскихъ народныхъ маскарадахъ восходятъ до XII или даже до XI вѣка. Со временемъ, къ обычаю взаимнаго переряживанія мужчинъ въ женскія платья и женщинъ въ мужскія, естественно, присоединилось облеченіе въ разные характеристическіе костюмы, сдѣлавшіеся затѣмъ типическими. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ, между прочимъ, фигуры народнаго маскарада, изображающія разныхъ звѣрей: коня, медвѣдя, волка, козу и т. п., имѣвшихъ встарину опредѣленное миеологическое значеніе.

7. ПЕРВЫЙ СНОПЪ. ПОСЛѢДНІЕ ПЛОДЫ.

Начало жатвы всюду составляетъ праздникъ мѣстнаго населенія. Въ Малой Руси праздникъ Івана Купала встарину отпразднывался какъ торжество, совпадавшее съ «началомъ жнивъ». Въ Литвѣ и во многихъ мѣстахъ Россіи придаютъ особенно важное значеніе *первому* сжатому на нивѣ снопу. На Руси снопъ этотъ называется *именинникомъ*. Хозяйка приноситъ его въ избу и ставитъ въ переднемъ углу, у *божницы*. По обычаю, принятому въ нѣкоторыхъ малорусскихъ мѣстахъ, *зажинъ* дѣлается *священникомъ*. Въ Литвѣ (и Бѣлоруссіи) первая жница, украшенная цвѣтами, несетъ *первенца жатвы*, впереди всѣхъ жницъ, на *барскій дворъ*, гдѣ ожидаетъ работницъ угошеніе. Словомъ, начало жатвы составляетъ выдающееся торжество, и *первый снопъ* пользуется особеннымъ *почетомъ*. Соотвѣтственно этому чехи, при печеніи хлѣба изъ *новой ржи*, бросаютъ въ огонь, т.-е. жертвуютъ бо-жеству огня, *кусокъ тѣста*. Въ законѣ Моисея находимъ цѣлый рядъ предписаній, касающихся начала жатвы. Въ числѣ главнѣйшихъ, весьма немногочисленныхъ народныхъ праздниковъ, названъ здѣсь «праздникъ *начатковъ жатвы* пшеницы». Приказалъ Господь Моисею объявить народу Израилеву слѣдующіе законы: «наблюдай

и праздникъ жатвы первыхъ плодовъ труда твоего, какіе ты сѣялъ на полѣ... *Начатки плодовъ земли твоей приноси въ домъ Господа, Бога твоего*. Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: «когда будешь жать на ней (на обѣтованной землѣ) жатву, то припесите *первый снопъ* жатвы вашей къ священнику. Опъ вознесетъ сей снопъ передъ Господомъ, чтобы вамъ пріобрѣсти благоволеніе».

Въ законѣ-же Моисеевомъ находитъ себѣ объясненіе записанная Гильфердингомъ старинная сербская пословица: «проклята нива, на коіей клас не остае». «Когда будешь жать на полѣ твоёмъ—предписалъ Господъ Израилю—и *забудешь снопъ на полѣ*, то не возвращайся взять его; пусть онъ останется пришельцу (нищему), сиротѣ и вдовѣ, чтобы Господь, Богъ твой, благословилъ тебя во всѣхъ дѣлахъ рукъ твоихъ. Когда будешь обивать маслину свою, то не пересматривай за собою *вѣтвей*; пусть остается пришельцу, сиротѣ и вдовѣ... Когда будешь спимать плоды въ виноградникѣ твоёмъ, не *обирай остатковъ* за собою; пусть остается пришельцу, сиротѣ и вдовѣ». Проклятіе сербскою пословицею нивы, на которой не осталось ни одного колоса, несомнѣнно, основано на томъ-же началѣ: оставленные на нивѣ колосья должны поступить въ пользу подбирающихъ ихъ неимущихъ, вдовъ и сиротъ. Отсюда-же объясняется чешское обыкновеніе—на плодовыхъ деревьяхъ оставлять не снятымъ, по крайней мѣрѣ, по одному плоду; въ противномъ случаѣ дерево, по народному вѣрованію, въ слѣдующемъ году не принесетъ ни одного плода.

8. НИЗВЕРЖЕНІЕ ЖЕРТВЫ СЪ ВЫСОТЫ.

Въ разныхъ мѣстахъ Чехіи до сихъ поръ соблюдается слѣдующій своеобразный обычай: 25 іюля, въ день св. Якова, при совершеніи извѣстныхъ церемоній, *низвергается съ церковной башни*, или съ другого возвышеннаго мѣста, *жертвенный козелъ съ позолоченными рогами, украшенный цвѣтами*. Кровь этого животного собирается и хранится, какъ дѣйствительное *цѣлебное* средство.—Обычай этотъ совершенно напоминаетъ древній греческій обрядъ умиловительнаго жертвоприношенія, совершавшагося въ лѣтнее же время (хотя нѣсколько раньше, именно въ концѣ нашего мая) въ честь Аполлона: двое приговоренныхъ къ смерти *мужчинъ*, или *мужчина и женщина*, украшенные плодами и цвѣтами, надушенные

благозонами травами, въ качествѣ умиловительной жертвы, *низвергались со скалы*. Приносимые такимъ образомъ въ жертву люди назывались *лъкарственными, цѣлительными*; смерть ихъ должна была обезпечивать здоровье мѣстнаго населенія, отвращать отъ него заразы и другія невзгоды.

Въ Гіераполисѣ обреченныхъ на жертвоприношеніе *животныхъ* бросали съ *высоты*, при чемъ они убивались до смерти. Нѣкоторые, по свидѣтельству Лукіана, такимъ же способомъ приносили въ жертву *дѣтей* своихъ, заключивъ ихъ, однако, предварительно въ *мѣшокъ*. *Низвергая* ихъ въ пропасть, произносили заклятіе, что это не дѣти, а телята. Геродотъ упоминаетъ о сходномъ обычаѣ у таврпческихъ скиновъ: они приносили своей богинѣ въ жертву чужеземцевъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе и попадавшихъ имъ въ руки; головы жертвъ они отрубали, *тѣла же низвергали съ высоты скалы*, гдѣ стояло святилище богини.

9. КОРОВІЙ НАВОЗЪ, КАКЪ ОЧИСТИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО.

Не менѣе характеристиченъ и слѣдующій чешскій обычай: наканунѣ Рождества, съ котораго въ старину пачинался въ Чехіи *новый годъ*, до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *обкуриваютъ коровьимъ навозомъ и опрыскиваютъ коровьей мочей* скотный дворъ, съ цѣлью *изгнанія* этимъ способомъ нечистой силы изъ двора, т. е. *очищенія* двора.—Въ Авестѣ очищеніе отъ одного изъ самыхъ сильныхъ оскверненій, а именно отъ прикосновенія къ мертвому тѣлу; производится посредствомъ коровьей мочи: „Отвѣчалъ Агура-Мазда... Если мертвое тѣло уже обглодано хищнымъ псомъ или птицей, то пусть (осквернившійся прикосновеніемъ къ нему) *омоетъ свое тѣло коровьей мочей*, тридцать разъ пусть онъ омоется, тридцать разъ пусть потретъ руки, пусть омоетъ въ то-же время и голову. Если же мертвое тѣло еще не обглодано хищнымъ псомъ или птицею, то пусть онъ моется пятьдесятъ разъ и пятьдесятъ разъ пусть потретъ себѣ руки“. Такой обычай находится въ тѣснѣйшей связи съ вѣрованіемъ древнихъ аріевъ въ *святость быка и коровы*. Древніе индусы, для *очищенія* почвы, оставляли на очищаемомъ мѣстѣ *на ночь коровъ*; полъ въ домахъ *очищался* у нихъ *коровьимъ навозомъ*, ткани и платья—*коровьей мочей*. И нынѣ еще въ Индіи, при отправленіи торжества, соотвѣтствующаго нашему весеннему празд-

нику (или празднику *новаго года*), именно въ новолуніе сентября, т. е. послѣ окончанія дождливой поры, дома украшаются цвѣтами и обмазываются *коровьимъ навозомъ*. Савпаденіе чешскаго обычая съ индійскимъ, коренящимся въ древнѣйшихъ преданіяхъ арійскихъ, доказываетъ несомнѣнную глубокую его древность. Вѣроятно, изъ того же источника исходитъ обычай курскихъ поселянъ наканунѣ Рождества и Богоявленія сожигать *навозъ* среди двора, хотя, по нынѣшнему народному толкованію, этотъ обрядный святочный огонь служитъ къ тому, чтобы родители на томъ свѣтѣ согрѣлись.

10. ЧЕРТЫ КУЛЬТА БАЛТІЙСКИХЪ СЛАВЯНЪ - ЯЗЫЧНИКОВЪ.

Группа славянскихъ народовъ, въ старину заселявшихъ балтійское побережье (нынѣшнюю сѣверную Германію), извѣстныхъ подъ общимъ именемъ балтійскихъ славянъ, во многихъ отношеніяхъ представляетъ особенности, рѣзко отличающія ее отъ прочихъ славянскихъ народовъ. Въ то время, какъ славяне вообще отличаются нравомъ миролюбивымъ и кроткимъ, балтійскіе славяне, по словамъ современныхъ имъ средневѣковыхъ писателей, были воинственны и храбры, свирѣпы и кровожадны, опыты въ войнѣ на морѣ и на сушѣ, привыкли жить грабежомъ и добычею,—въ особенности отличались этими качествами Лютичи (Велеты), которымъ, впрочемъ, мало уступали Руяне (жители острова Руяны), Бодричи, Вагры, Поморяне. Въ то время, какъ большинство славянъ почитали боговъ своихъ безъ идоловъ и храмовъ даже безъ жрецовъ, мѣсто которыхъ обыкновенно заступалъ старшій въ родѣ, у балтійскихъ славянъ встрѣчаются повсемѣстно многочисленные истуканы боговъ совершенно своеобразной формы, храмы, отличающіеся своеобразной архитектурой и украшеніями, жрецы, отправляющіе опредѣленные богослужебные обряды. Все это свидѣтельствуетъ о какихъ-то особенныхъ обстоятельствахъ, о какихъ-то, вѣроятно, иноземныхъ вліяніяхъ, при которыхъ, въ отличіе отъ прочихъ соплеменниковъ, сложилась жизнь тѣхъ отраслей славянскаго племени, которыя, при расселеніи послѣдняго, направились къ берегамъ Эльбы и Балтійскаго моря и заняли балтійское побережье и нѣкоторые изъ сосѣднихъ острововъ.

О томъ, кто и какимъ образомъ могъ вліять въ данномъ смыслѣ на своеобразное развитіе права и культовъ упомянутыхъ народовъ, исторія умалчиваетъ; но при болѣе внимательномъ изученіи именно предметовъ религіознаго культа ихъ, обнаруживаются какія-то загадочныя параллели съ соотвѣтствующими предметами культа народовъ семитскихъ, а равно и нѣкоторыхъ народовъ малоазіатскихъ, также испытавшихъ на себѣ семитскія вліянія. Воздерживаясь пока отъ высказыванія какихъ либо догадокъ о томъ, какимъ путемъ могли проникнуть въ данную отдаленную мѣстность упомянутыя вліянія, ограничусь сперва лишь указаніемъ на факты.

А. Храмы.

а. Общій планъ.

Храмы балтійскихъ славянъ обыкновенно стояли внутри окруженнаго деревянной оградой мѣста, т. е. двора или города (огороженнаго пространства), служившаго мѣстомъ народныхъ собраній: сюда народъ сходилъ для общественныхъ молитвъ и жертвоприношеній, гаданій и пировъ, для обсужденія общественныхъ дѣлъ. Самый храмъ, внутренность котораго недоступна была простымъ смертнымъ, представлялъ огороженное стѣнами и покрытое крышею пространство, заключавшее въ себѣ святилище, т. е. центральную часть, гдѣ помещалось изображеніе бога (или нѣсколькихъ боговъ), отдѣляющуюся отъ остальной части храма внутренними завѣсами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и наружныя стѣны храма были не сплошныя, а замѣщались колоннами, завѣшанными тканью и служившими опорой для крыши. *)

Такой планъ храмовъ тѣсно сближается съ планомъ храмовъ семитскихъ народовъ, заимствованнымъ ими изъ Египта и основнымъ типомъ которыхъ можетъ служить скинія евреевъ. Скинія, имѣвшая форму параллелограмма, окружена была дворомъ, ограда котораго, такъ какъ сооруженіе было походное, представляла не сплошную стѣну, а рядъ колоннъ, завѣшанныхъ цвѣтною тканью. Наружныя стѣны скиіи, надъ которыми возвышалась крыша изъ цвѣтныхъ покрывалъ, покрытыхъ цвѣтными же кожами, сдѣланы

*) Подробное описаніе храмовъ балтійскихъ славянъ см. въ моей книгѣ „Бож. др. слав.“ I, стр. 20 и сл.

были изъ деревянныхъ брусьевъ, а мѣсто, гдѣ помѣщался ковчегъ завета, отдѣлялось *внутреннею завѣсою*.

Проведемъ еще параллель между описаніемъ „города“, въ которомъ помѣщался Ретрскій храмъ и описаніемъ двора идеальнаго храма Господня въ открывшемся пророку Іезекиилу видѣніи. Городъ редарей, Ретра, по свидѣтельству Титмара Мерзебургскаго (XI в.), былъ снабженъ *тремя воротами*. Двои изъ этихъ воротъ *доступны* были *каждому*, третьи же, на *восточной* сторонѣ, обращены были къ морю. Изъ такого противоположенія восточныхъ воротъ другимъ можно вывести заключеніе, что *восточныя ворота* были *недоступны народу*. У этихъ воротъ стоялъ извѣстный Ретрскій храмъ. — Прор. Іезекииль, которому повелѣно было „возвѣстить дому израилеву“, для руководства въ будущемъ, устройство храма Господня, какъ оно представилось ему въ видѣніи, между прочимъ, пишетъ: „*Внѣ храма стѣна со всѣхъ сторонъ его*“. Въ стѣнѣ *трои ворота*: сѣверныя, южныя и восточныя. *Народу доступны* только *двои* изъ нихъ (какъ въ оградѣ Ретрскаго храма) — сѣверныя и южныя, *восточныя* же ворота, постоянно запертыя, открываются лишь въ субботу и во дни новомѣсячья и *народу недоступны* (опять какъ въ оградѣ Ретрскаго храма), — черезъ нихъ входить и выходить можетъ одинъ только князь.

б. Украшенія.

Стѣны храмовъ балтійскихъ славянъ, иногда и ворота оградъ ихъ, отличались рельефными, рѣзными украшеніями. Такъ *наружныя стѣны* Ретрскаго храма *украшены* были чудесной *рѣзбой*, представлявшей изображенія различныхъ *боговъ и богинь*. Стѣны Штетинской главной контны (священнаго зданія) *внутри и снаружи* покрыты были *рѣзными* изображеніями *людей, птицъ и звѣрей*. *Внѣшняя сторона* Арконскаго храма, по выраженію Саксона Грамматика (XII в.), блистала искусно сдѣланными *барельефами различныхъ фигуръ*. *Внѣшняя сторона воротъ* деревянной ограды Староградскаго храма, по словамъ Гельмольда (XII в.), была *великолѣпно разукрашена* (конечно, также рѣзными изображеніями).

Испещреніе стѣнъ зданій *рельефными изображеніями* встрѣчаемъ неоднократно въ произведеніяхъ древняго восточнаго искусства. У вавилонянъ, ассирійянъ, какъ и у египтянъ, *стѣны дворцовъ и храмовъ* обыкновенно покрывались *рельефами*. Изображе-

ніями *фантастическихъ звѣрей, трифоновъ, сфинксовъ*, преимущественно въ ассирійско-вавилонскомъ вкусѣ, разукрашены и древнія, открытыя въ Микенѣ, Спатѣ, Гиметтосѣ, финикійскія гробницы. «Отъ верха *дверей*, какъ *внутри* храма, такъ и *снаружи*, — продолжаетъ Іезекіиль описывать упомянутое выше видѣніе свое, — и по *всей стѣнѣ* кругомъ, *внутри и снаружи* были разныя изображенія, сдѣланы были *херувимы и пальмы*; пальма между двумя херувимами, и у каждаго херувима два лица (одно человѣческое, другое львиное)». Развалины ликійскихъ саркофаговъ и гробницъ, высѣченныхъ въ скалахъ, или свободно стоящихъ (стиль послѣднихъ представляетъ подражаніе деревяннымъ постройкамъ, очевидно, преобладавшимъ въ Ликіи), точно также испещрены *рельефными изображеніями людей и животныхъ*. Здѣсь присоединяется еще въ высшей степени интересная для насъ черта: упомянутыя *рельефныя изображенія* нерѣдко были *раскрашены*, иные изъ нихъ даже почти какъ *произведенія живописи*. Но и на другихъ мѣстахъ были слѣды красокъ, свидѣтельствующіе о томъ, что и *самыя стѣны* были *выкрашены*. Слѣды красокъ на *стѣнахъ* финикійскихъ гробницъ найдены Ренапомъ. По словамъ Діодора, на *стѣнахъ дворцовъ*, выстроенныхъ на берегахъ Евфрата, изображены были разныя *звѣри, сцены изъ царской охоты и т. п.* Звѣри эти были весьма искусно *раскрашены*.

Взглянемъ опять на храмы балтійскихъ славянъ, представляющіе и въ этомъ отношеніи чрезвычайную аналогію съ храмами и дворцами народовъ древняго востока. *Барельефы*, которыми „блистала“ внѣшняя стѣна Арконскаго храма, были, по свидѣтельству Саксона, „безобразно и грубо *раскрашены*“. О *выдающихся рѣзныхъ* изображеніяхъ людей, птицъ и звѣрей, которыми были украшены внутри и снаружи стѣны Штетинской главной контины, Гербордъ (XII в.) говоритъ, что они были представлены „столь естественно и вѣрно, что, казалось, они дышатъ и живутъ, но, что рѣдко встрѣчается, прибавляетъ Гербордъ, *краски наружныхъ изображеній* отличались особенно прочностью: ни снѣгъ, ни дождь не могли потемнить или смыть ихъ; таково было искусство *живописцевъ*“. Любовь балтійскихъ славянъ къ окрашиванію зданій, подобно финикіянамъ и ликійцамъ, въ яркіе цвѣта выражается и въ томъ, что Арконскій храмъ вѣнчался, по свидѣтельству Саксона, *красною кровлею*.

в. Храмовыя богатства. Храмовая утварь.

Храмы балтійскихъ славянъ обладали большими богатствами. Саксонъ Грамматикъ говоритъ объ огромномъ количествѣ золота и другихъ сокровищъ, сохранявшихся въ сундукахъ въ Арконскомъ храмѣ, а равно и о множествѣ общественныхъ и частныхъ даровъ, жертвовавшихся на пользу храма по обѣтамъ. По словамъ Гельмольда, руяне послѣ побѣды полагали часть награбленнаго золота и серебра въ сокровищницу Святовита Арконскаго. По свидѣтельству скандинавскаго сказанія (Knyttlingasaga) въ капищахъ Кореницкихъ хранилось множество денегъ, золота, серебра, шелку, бумажныхъ тканей краснаго цвѣта и тканей пурпуровыхъ, шлемовъ, мечей, латъ и всякаго оружія. Титмаръ упоминаетъ о дарахъ, которые приносились вѣрующими въ Ретрскій храмъ, по возвращеніи изъ похода. По свидѣтельству Герборда, поморяне, „по старому обычаю предковъ“, приносили въ Штетинскій храмъ извѣстную долю награбленныхъ богатствъ, оружія и всякой добычи; тамъ берегались золотые и серебряные сосуды и чаши, огромные рога туровъ, украшенные позолотой и драгоценными камнями, рога приспособленные къ музыкѣ, кинжалы, ножи и всякая драгоценная утварь.

Снабженіе храмовъ сокровищами, притекавшими въ нихъ по обѣтамъ частныхъ лицъ или представлявшими извѣстную долю награбленной добычи или добровольныя пожертвованія вѣрующихъ, — явленіе общее у всѣхъ народовъ, воздвигавшихъ богамъ своимъ храмы. Евреи, по взятіи Иерихона, городъ сожгли, „только серебро и сосуды мѣдные и желѣзные отдали въ сокровищницу дома Господня“ (т.-е. скинии), который въ то время уже обладалъ значительнымъ количествомъ золотой утвари. Давидъ, побѣдивъ Сувскаго царя Адранзара, взялъ у рабовъ его золотые щиты, въ городахъ Адранзаровыхъ онъ взялъ весьма много мѣди, къ этой добычѣ присоединились еще сосуды серебряные, золотые и мѣдные, принесенные Давиду въ даръ царемъ Имафа Ооемъ. Всѣ эти предметы, а также серебро и золото, отнятое имъ у другихъ народовъ (спрянъ, моавитянъ, аммонитянъ и др.), „посвятилъ царь Давидъ Господу“. Всѣ собранныя имъ богатства Давидъ передалъ Соломону, завѣщавъ ему построить храмъ въ Иерусалимѣ и украсить его этими сокровищами, что и было исполнено Соломономъ, кото-

рый еще значительно *увеличилъ храмовыя богатства* и украсилъ домъ Господень съ баснословною роскошью. Весь храмъ внутри и стоявшіе въ немъ деревянныя херувимы были *обложены золотомъ*, жертвеникъ былъ *золотой*, вся храмовая утварь — *золотая*. Въ перечисленіи послѣдней поименовываются тѣ же, приблизительно, предметы, какъ и въ Штетинскомъ храмѣ: *блюда, ножи, чаши, ложки* и пр. Храмъ Сирійской богини въ Гіераполисѣ, по свидѣтельству Лукіана, обладалъ *чрезвычайными богатствами*: сюда прибывали многочисленныя дары изъ Аравіи, Финикіи, Вавилоніи, Каппадокии, Киликии и Ассиріи. Лукіанъ видѣлъ сложенные въ особомъ сокромѣ помѣщеніи храма *драгоцѣнныя одѣянія* и разныя другіе предметы, изготовленные изъ *золота и серебра*. *Серебряными и золотыми чашами, курцальницами, вѣнками* и другими *драгоцѣнными предметами*, приносимыми въ даръ или по обѣтамъ отъ частныхъ лицъ, изобиловали и главнѣйшіе храмы греческіе и римскіе, напр.—храмы Аполлона въ Дельфахъ, Зевеса Олимпійскаго въ Элидѣ, Юпитера Капитолійскаго въ Римѣ и др. Изъ такихъ даровъ съ теченіемъ времени образовывались *богатѣйшія сокровищницы*, по временамъ подвергавшіяся разграбленію и затѣмъ вновь возстановлявшіяся.

Между предметами храмоваго обихода у евреевъ называются *трубы*, какъ въ Штетинскомъ храмѣ *„рога туровъ*, приспособленные къ музыкѣ“. Трубы у евреевъ употреблялись какъ при богослуженіи, такъ и для созыванія народа и подачи ему сигналовъ. Трубили въ трубы священники: *„и въ день веселія вашего и въ праздники ваши и въ новолѣтія ваши трубите трубами при всесожеженіяхъ вашихъ и при мирныхъ жертвахъ“*, предписывалъ Господь евреямъ. Перенесеніе ковчега Господня изъ дома Аведарова въ городъ Давидовъ происходило съ восклицаніями и *трубными звуками*. — Упомянутые выше *рога туровъ* въ Штетинскомъ храмѣ имѣли, вѣроятно, подобное же религіозно-обрядное значеніе; о нихъ говорится именно, что они были *приспособлены къ музыкѣ*, хотя прямого указанія на то, что игра на нихъ входила въ составъ богослуженія, мы не имѣемъ. Зато относительно ближайшихъ сосѣдей балтійскихъ славянъ—народовъ литовскаго племени—существуетъ достовѣрное свидѣтельство объ обрядномъ употребленіи ими духовыхъ музыкальныхъ орудій въ *дни народнаго веселія, въ праздники*, а именно во время отправленія ими главнѣйшихъ

годовыхъ религіозныхъ торжествъ: весенняго—въ честь бога Пер-
губія, и осенняго—во славу бога Земешника; въ обоихъ случаяхъ,
по словамъ Стрыйковскаго, (XV Ів), „пѣли пѣсни и играли на
длинныхъ трубахъ“.

г. Пурпуровыя завѣсы и одежды.

Къ числу наиболѣе характеристическихъ предметовъ, свой-
ственныхъ храмамъ балтійскихъ славянъ, принадлежатъ пгравшія
въ нихъ важную роль *пурпуровыя ткани*.—Извѣстно, что въ осо-
бенности въ западно-азіатскихъ государствахъ были въ большомъ
употребленіи и высоко цѣвились *пурпуровыя ткани*. Приготовле-
ніемъ пурпуровой краски и пурпуровыхъ тканей славились флини-
кіяне, а изъ нихъ въ особенности тиряне. Восточные цари, а
вслѣдъ за ними и прочія знатныя особы, а равно и жрецы, обле-
кались въ *пурпуровыя одѣянія*, какъ призвакъ высокаго происхож-
денія. По повелѣнію Валтасара, „облекли Данила въ багрянцу...
и провозгласили его *третьимъ властелиномъ* въ царствѣ“. Арта-
ксерксъ, желая оказать особенную почесть Мардохею, приказалъ
облечь его въ царскую одежду, возложить на него висонную и
пурпуровую мантию. Ионафанъ (сынъ Іуды Маккавея), въ знакъ
особенной почести, одѣтъ былъ царемъ Александромъ (сыномъ
Антиоха Эпифана) въ *пурпурѣ*. Вавилонскіе, ассирійскіе и, по ихъ
примѣру, персидскіе и др. цари массапи складывали въ своихъ
дворцахъ *пурпуровыя ткани*. По свидѣтельству Плутарха, Але-
ксандръ нашелъ въ Сузѣ запасъ *пурпуровыхъ тканей*, цѣною въ
5000 талантовъ. Іуда Маккавей, побѣдившій Горгія, нашелъ въ
станѣ его „много золота и серебра, гіацинтовыхъ и *багряныхъ*
одеждъ и великое богатство“. Древніе клинописныя надписи упо-
минаютъ объ *украшеніи идоловъ* въ халдейско-ассирійскихъ куль-
тахъ золотыми и серебряными одѣяніями, сверхъ которыхъ надѣ-
вались одежды изъ *тканей*. Прор. Іеремія подтверждаетъ это извѣ-
стіе, говоря объ *одеждахъ* изъ *пурпура и червленныя*, украшавшихъ
вавилонскихъ истукановъ. Во храмѣ Сирійской богини въ Гіера-
полисѣ избиравшійся ежегодно верховный жрецъ, по свидѣтельству
Лукіана, одинъ только облакался въ *пурпуровую мантию*. Тертул-
ліанъ упоминаетъ о *красныхъ одѣяніяхъ* жрецовъ Ваала въ Кар-
еагенѣ. Во дворцахъ и въ шатрахъ знатныхъ особъ, а равно и

во храмахъ восточныхъ народовъ, *пурпуровыя ткани* служили *коврами и завѣсами*. Въ шатръ Олоферна натянута была *завѣса*, украшенная *пурпуромъ*, золотомъ и драгоценными камнями. Завѣса изъ голубой, *пурпуровой и червленой шерсти* закрывала въ скинии „ковчегъ откровеній“. Во храмъ Соломоновомъ ковчегъ помещался за *завѣсою*, сдѣланною „изъ *яхонтовой, пурпуровой и багряной ткани*“. Пурпуровыя ткани извѣстны были уже въ древнемъ Египтѣ и оттуда, вѣроятно, распространились въ переднюю Азію. Священные животныя въ египетскихъ храмахъ, по свидѣтельству Климента Александрійскаго, покоились на великолѣпно украшенныхъ, покрытыхъ *пурпуровыми тканями* ложахъ; изображеніе позолоченной коровы, внутри которой египетскій царь Микеринъ схоронилъ тѣло умершей любимой дочери своей, покрывалось, по словамъ Геродота, *пурпуровой мантией*. Изображеніе Озириса, по свидѣтельству Плутарха, было облечено въ *огненно-цвѣтную, очевидно, пурпуровую мантию*.

Весьма сходныя явленія повторяются и у балтійскихъ славянъ. Внутренняя ограда Арконскаго храма, по словамъ Саксона Грамматика, „состояла изъ четырехъ крѣпкихъ колоннъ, которыя, не соединяясь твердою стѣною, *увѣшаны были коврами*“; кромѣ того, весь храмъ Святовита *увѣшанъ былъ пурпуровою тканью*, „прекрасной, но уже истлѣвшей“. По словамъ того же автора, какъ самый храмъ Руевита, находившійся въ Кореницѣ, на островѣ Руяпѣ, такъ и стоявшее въ передней части его капище (святилище), не имѣя стѣнъ, *завѣшаны были пурпуровою тканью*. За этой тканью скрывался идолъ Руевита, какъ ковчегъ завѣта въ скинии, а въ послѣдствіи — въ Иерусалимскомъ храмѣ; „когда сорваны были оба покроя, говоритъ Саксонъ, то дубовый идолъ Руевита безобразно раскрылся со всѣхъ сторонъ“. Истуканъ Радегаста въ Ретрскомъ храмѣ, по словамъ Адама Бременскаго, былъ золотой, а ложе его изъ *пурпуровой ткани*. Въ числѣ сокровищъ, хранившихся въ Кореницкихъ капищахъ, какъ мы видѣли выше, были *пурпуровыя ткани*; въ сундукахъ, въ святилищѣ Святовита Арконскаго, по свидѣтельству Саксона, сохранилось „много *пурпуровыхъ одеждъ* (см. выше склады и запасы пурпуровыхъ тканей у восточныхъ царей), отъ ветхости гнилыхъ и худыхъ“. Последнее замѣчаніе показываетъ, что одежды эти, а равно и истлѣвшая пурпуровая завѣса въ самомъ храмѣ, уже

не возобновлялись въ эпоху Саксона, а составляли храмовое достояніе, унаслѣдованное съ давнихъ временъ. На истуканѣ Святовита Арконскаго была „верхняя одежда“, спускавшаяся до берцовъ. Можетъ быть, и эта одежда, о цвѣтѣ и качествахъ которой Саксонъ умалчиваетъ, была сдѣлана изъ пурпуровой ткани, какъ на идолахъ египетскихъ и ассирійско-вавилонскихъ. Замѣчу еще, что преданіе о балтійско-славянскомъ, замодозрѣнномъ въ подложности, богѣ Флиисѣ (Fliuys) представляетъ его одѣтымъ въ *красную мантию*. Во всякомъ случаѣ важная роль, которую, очевидно, играли пурпуровыя ткани въ декораціи храмовъ, отчасти и идоловъ балтійскихъ славянъ, и совпаденіе этой чрезвычайно характеристической, единственной въ своемъ родѣ, черты съ тождественными явленіями на древнемъ востокѣ заслуживаютъ полнаго вниманія.

Б. Идолы.

Многіе древніе народы первоначально поклонялись богамъ своимъ *безъ идоловъ*. Объ отсутствіи идоловъ у пеласговъ, у персовъ свидѣтельствуетъ Геродотъ, у древнихъ италіковъ—Варронъ. У южныхъ славянъ вовсе не видно слѣдовъ почитанія идоловъ, у восточныхъ—боготвореніе истукановъ встрѣчается только въ нѣкоторыхъ центрахъ цивилизаціи (Кіевѣ, Новгородѣ, Ростовѣ), при чемъ великолѣпные, по тогдашнему вкусу, истуканы, поставленные Владиміромъ на кіевскомъ холмѣ, вѣроятно, заимствованы были отъ балтійскихъ славянъ *).

Идолопоклонство вообще, вѣроятно, произошло изъ почитанія изображеній боготворимыхъ умершихъ предковъ и родичей, родовыхъ геніевъ, то-есть пенатовъ или домовыхъ боговъ. Въ этомъ смыслѣ разсуждаетъ уже Соломонъ: „Вымыслъ идоловъ — начало блуда“, говоритъ онъ, „и изображеніе ихъ—растлѣніе жизни. *Не было ихъ вначалѣ, и не во вѣки они будутъ. Отецъ, терзающійся горькою скорбію о рано умершемъ сынѣ, сдѣлавъ изображеніе, какъ уже мертвого человека, затѣмъ сталъ почитать его, какъ бога*“. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ говоритъ о художникѣ, который, уподобивъ древесный сукъ образу человека или животнаго, „устроивъ для него достойное его мѣсто, *повѣсилъ его на стѣнѣ, укрѣпивъ желѣзомъ*“. Последнія слова Соломона от-

*) Ср. Бож. др. слав. I, 76. 89.

носятся, очевидно, къ божествамъ, почитавшимся домашнимъ культомъ (на это указываетъ прикрѣпленіе идоловъ къ стѣнѣ жилища), то-есть къ *домовымъ богамъ* въ образѣ чловѣка, къ которымъ присоединяются уже и изображенія боготворимыхъ звѣрей, вѣроятно, служившихъ символами извѣстныхъ божествъ. Домовыми божками были, очевидно, тѣ золотыя идолы, которые Рахиль похитила у отца своего Лавана (месопотамца), скрывъ ихъ подъ верблюжье сѣдло, на которое сама сѣла. Идолы эти составляли не общественную святыню, а принадлежали исключительно дому Лавана, были *его богами*, то-есть *домовыми богами*. Въ Хорсабадскомъ дворцѣ, подъ порогами дверей, найдены небольшія глинаыя *статуэтки*, изображающія разныхъ боговъ: Вила—въ украшенной бычачьими рогами тиарѣ, Нергала—съ львиной головой и др. Древнія надписи объясняютъ назначеніе этихъ фигурокъ, разставлявшихся въ разныхъ частяхъ дома: онѣ должны были *покровительствовать дому*, устранять отъ него враговъ и всякое зло.

О существованіи домовыхъ боговъ у балтійскихъ славянъ и чеховъ неоднократно свидѣтельствуютъ средневѣковыя писатели: Титмаръ говоритъ о жертвоприношеніяхъ, предлагавшихся *домовымъ богамъ*. По словамъ Гельмольда, *пенатами* (домовыми богами) и идолами была пренесполнена страна Староградская. Козьма Пражскій говоритъ о *пенатахъ*, принесенныхъ Чехомъ, о самодѣльныхъ истуканахъ (вѣроятно, также служившихъ домовыми богами), которымъ еще въ его время (XII в.) поклонялись чехи. Быть можетъ, въ качествѣ пенатовъ же почитались и нѣкоторыя изъ *статуэтокъ*, добытыхъ при раскопкахъ на балтійскомъ побережьѣ (въ Вагріи, Штральзундѣ, Верхней Лужицѣ, Ней-Стрелицѣ) и въ Кёнигсгрецкомъ округѣ въ Богеміи. Ушки и выступы на нѣкоторыхъ изъ нихъ свидѣтельствуютъ о томъ, что онѣ прикрѣплялись къ чему-то: вѣроятно—къ стѣнамъ комнатъ, въ качествѣ домовыхъ божковъ. Въ землѣ Редарей найдены и *маленькія изображенія быковъ*, которыя, быть можетъ, также служили предметами домашнего культа.

Переходя, затѣмъ, къ *общественнымъ идоламъ*, стоявшимъ у балтійскихъ славянъ въ рощахъ, на горахъ, холмахъ, площадяхъ и въ храмахъ, опять встрѣчаемъ необыкновенныя, неожиданныя аналогіи съ народами азіатскими. Авторы книгъ ветхаго завѣта весьма часто упоминаютъ объ идолахъ народовъ, жившихъ по сосѣд-

ству съ Израилемъ; изъ словъ ихъ видно, что идолы эти были деревянные или глиняные, обложенные мѣдью, серебромъ или золотомъ, иногда каменные, часто литые изъ металла, преимущественно изъ серебра или золота. „*Боговъ литыхъ* не дѣлайте себѣ“, говорилъ Господь Моисею. Оставленные филистимлянами истуканы были сожжены Давидомъ, слѣдовательно, они были *деревянные*. Точно такъ и Іуѳъ сжегъ въ Самаріи статуй, вынесенныя изъ храма Ваалова, а Іосіѳъ сокрушилъ „*разные и литые кумиры*“, поставленные въ Іерусалимѣ впадшимъ въ язычество народомъ. „Идола *выливаетъ* художникъ, и золотпльщикъ *покрываетъ* его золотомъ и придѣлываетъ *серебряныя цепочки*“, говоритъ пророкъ Ісаія. „Вырубаютъ *дерево* въ лѣсу“, пишетъ пророкъ Іеремія, „о-дѣлываютъ его руками плотника при помощи топора, *покрываютъ серебромъ и золотомъ*, прикрѣпляютъ гвоздями и молотомъ, чтобы не шаталось“. Навуходоносоръ сдѣлалъ *золотой истуканъ*, вышиною въ шестьдесятъ локтей, шириною въ шесть локтей. Валтасаръ и его вельможи, по словамъ пророка Даніила, „пили вино и славили боговъ *золотыхъ, серебряныхъ, мѣдныхъ, желѣзныхъ, деревянныхъ и каменныхъ*“. О вавилонскомъ идолѣ Вила (Bila, Pel) тотъ же пророкъ выражается такъ: „онъ внутри *глина*, а снаружи *мѣдь*“. Геродотъ и Діодоръ рассказываютъ о *золотыхъ истуканахъ* боговъ въ вавилонскомъ храмѣ Вила. Лукіанъ упоминаетъ о стоявшихъ въ іерополисскомъ храмѣ *золотыхъ* идолахъ бога и богини, которыхъ онъ называетъ именами Зевеса и Геры. Еврен, не разъ впадавшіе въ идолопоклонство, сооружали себѣ подобныхъ же боговъ въ образѣ *человѣка* или *теляца*. Діодоръ упоминаетъ о *мѣдномъ* идолѣ Крона (Ваала) въ Кароагенѣ. По словамъ Аппіана, колоссальный истуканъ кононскаго (на сѣверномъ берегу Африки) храма былъ *вызолоченъ*. Древніе греки и этруски также воздвигали богамъ своимъ, по примѣру азіатскихъ народовъ, *золоченые* или богато украшенные *золотомъ* истуканы.

Идолы балтійскихъ славянъ были также частью *деревянныя*, частью *металлическіе*, *золотые* и *мѣдные* (о каменныхъ истуканахъ старинныя свидѣтельства умалчиваютъ). Первые перѣдко были *колоссальной величины* и украшены *металлическими атрибутами*. Идолы въ Гостьковѣ отличались невѣроятнымъ, по словамъ Эбона (XII в.), *изяществомъ отдѣлки* и были столь удивительной *величины*, что нѣсколько паръ быковъ едва могли сдви-

путь ихъ съ мѣста. Кумиръ Святовита Арконскаго *превосходилъ ростъ челоука*. Идолъ Руіевита, по свидѣтельству Саксона, *толщиною* превосходилъ челоуческое тѣло, а *высокъ* былъ такъ, что Абсолонъ, принимавшій участіе въ разрушеніи его святилища, будучи самъ очень высокаго роста, едва могъ достать его подбородокъ ручнымъ своимъ топоромъ. Истуканъ Святовита Арконскаго держалъ въ рукѣ рогъ, сдѣланный изъ разныхъ *металловъ*; ножны и черенъ огромнаго меча его, кромѣ красивыхъ рѣзныхъ фигуръ, были украшены отличною *серебряною отдѣлкою*; щитъ Яровита Волегастскаго былъ обтянутъ *золотомъ*. Идолъ, стоявшій въ одномъ изъ городовъ Вагріи, упоминаемый Видукиндомъ подъ именемъ Сатурна, былъ сдѣланъ изъ *мѣди*; идолъ Триглава въ Волини былъ *золотой*, другія небольшія изваянія волинскихъ боговъ были украшены *серебромъ и золотомъ*; истуканъ Радегаста въ Ретрескомъ храмѣ былъ *золотой*; идолъ Триглава въ Штетинѣ имѣлъ покрывавшую три лица его *золотую повязку*; истуканъ Черноглава (на островѣ Руянѣ) изображенъ былъ съ *серебряными* усами; у идола въ образѣ старца, описаннаго Масуди, голова была *золотая*.

Главными атрибутами боговъ балтійскихъ славянъ служили *мечъ* (у Святовита Арконскаго, Руіевита Кореницкаго), *съкира* (у Радегаста бодричей), наконецъ, *щитъ* (у Яровита Волегастскаго). — „Имѣетъ *мечъ* въ правой рукѣ и *съкиру*“, говоритъ пророкъ Іеремія о богахъ вавилонскихъ.

„Вы увидите въ Вавилонѣ боговъ серебряныхъ, золотыхъ и деревянныхъ, *носимыхъ на плечахъ*“... замѣчаетъ тотъ же пророкъ, „безногіе, они *носятся на плечахъ*“. Картину древне-ассирійской религіозной *процессіи съ истуканами боговъ* можно видѣть у Лажарда (*Lajard: The monum. of Ninev.*). Тамъ же изображена военная сцена взятія города штурмомъ. Въ одномъ изъ угловъ картины войны, очевидно, изъ числа осаждающихъ непріятельскій городъ, *несутъ на плечахъ нѣсколько идоловъ*. Объ обрядномъ *ношеніи изображеній боговъ* въ Гіераполисѣ, въ Сиріи, упоминаетъ Лукіанъ.

Балтійскіе славяне также *носили изображенія боговъ* своихъ передъ войскомъ, отправляясь въ походъ. Лютичи, по свидѣтельству Титмара, „сѣдовали за своими *богами*, которые имъ *предшествовали*“. По словамъ того же автора, славяне, въ числѣ 30

частью пѣшихъ, частью конныхъ отрядовъ, разрушили неиріятельское имущество, *при помощи своихъ боговъ*. И эти слова слѣдуетъ понимать такъ, что названые воины шли въ бой, *неся съ собою своихъ боговъ*.

Въ то время какъ всѣ до сихъ поръ разсмотрѣнныя черты идоловъ (и храмовъ) балтійскихъ славянъ тѣсно сближаютъ ихъ съ соотвѣтствующими предметамъ культа древнихъ восточныхъ народовъ семитскихъ или подчиненныхъ семитскому вліянію, въ нихъ проявляется одна весьма характеристическая черта древне-арійская, а именно—многія балтійско-славянскія божества изображались о *нѣсколькихъ головахъ* или *лицахъ*: Триглавъ имѣлъ *три головы* или *три лица*, Святovitъ—*четыре головы*, Руіовитъ—*семь лицъ*, Поревитъ—*пять головъ*, Поренуть *четыре лица* (и *пятое на груди*). *Многоглавіе* боговъ можетъ быть прослѣжено у многихъ народовъ арійскаго племени. ✓

Одинъ изъ древнѣйшихъ боговъ, упоминаемыхъ въ Ведахъ, былъ *Триглавъ* (трисирось). *Трехголовыми* являются у древнихъ грековъ пеласгійскій богъ Гермесъ и оракійская богиня Геката; у кельтовъ—Cernunnos; у балтійскихъ славянъ—Триглавъ. Подробнѣе о трехглавахъ и тройственныхъ богахъ я говорю въ другомъ очеркѣ: „Кто былъ Троянъ и т. д.“? *Четерехлицыми* представлялся Варуна въ Ведахъ, позже изображались Брама, Вишну, Рава у индійцевъ; *четырехлицымъ* (позже *двулицымъ*) представлялся и изображался Янусъ у древнихъ италиковъ, *четыреголовымъ*—Святovitъ у балтійскихъ славянъ, имѣвшій храмы во многихъ мѣстахъ. Пространное разсужденіе о Святovitѣ помѣщено въ моей книгѣ: „Бож. др. слав.“ I, 126—139. Нагроможденіе въ изображеніяхъ божествъ *головъ* или *лицъ* (какъ въ Индіи, кромѣ того, еще нагроможденіе *рукъ*, *ногъ*) имѣло, несомнѣнно, аллегорическое значеніе.

В. Верховный жрецъ.

Изъ святилищъ балтійскихъ славянъ наибольшимъ почтомъ и извѣстностью пользовалось святилище Святовита Арконскаго на островѣ Руянѣ. Оно служило главнымъ, первенствующимъ религіознымъ центромъ всѣхъ балтійскихъ славянъ. Жрецъ Арконскаго храма, по свидѣтельству Саксона Грамматика, *вопреки обыкновенію страны, не стригъ ни головы, ни бороды*. Онъ слѣдовалъ въ данномъ случаѣ,

несомнѣнно, древней традиціи, о которой упоминается уже въ законѣ Моисеевомъ, предписывающемъ назареемъ не обстригать волосъ: „если мужчина или женщина рѣшится дать обѣтъ назарейства, чтобы посвятить себя въ назарей Господу, то... во всѣ дни обѣта назарейства его *брита не должна касаться головы его.., долженъ растить волосы на головѣ своей*“.

Тотъ же жрецъ, по свидѣтельству Гельмольда, *почитался народомъ выше князя*.— Это опять характеристическая черта, встрѣчающаяся у народовъ древняго востока. „Чѣмъ болѣе мы приближаемся къ Сиріи и Персіи“, замѣчаетъ Мори, „тѣмъ болѣе проявляется преобладаніе оократической формы правленія. *Верховный жрецъ въ культахъ многочисленныхъ божествъ восточнаго происхождения является вмѣстѣ съ тѣмъ и главою страны*“. Такъ напр., жрецъ Анаиты въ Целѣ (Понтіійской провинціи) въ древности обладалъ здѣсь *верховнымъ авторитетомъ*; жрецу богини Ма въ Команѣ (въ Каппадокіи) жители *повиновались болѣе, чѣмъ управлявшему ими царю*; въ Марименѣ (въ Каппадокіи же) жрецъ бога, называвшагося греками Зевесомъ, игралъ послѣ жреца команскаго *первую роль* въ данной провинціи.—Высокое, первенствующее значеніе верховнаго жреца Руянъ опять является, слѣдовательно, основаннымъ на древнихъ восточныхъ преданіяхъ.

Г. Загадочныя параллели.

Изъ всего вышеизложеннаго нельзя не вывести заключенія, что своеобразный языческій культъ балтійскихъ славянъ, столь рѣзко отличающійся во многихъ отношеніяхъ отъ культовъ прочихъ славянъ, заключаетъ въ себѣ множество элементовъ семитскихъ и отчасти малоазійскихъ, проникшихъ сюда путями, вовсе еще не изслѣдованными, но отрицать которые невозможно, въ виду несомнѣнныхъ, достовѣрныхъ фактовъ, записанныхъ современными лѣтописцами, которые не могутъ быть подозрѣваемы въ сообщеніи праздныхъ измышленій о предметахъ и явленіяхъ, ими видѣнныхъ и тщательно отмѣченныхъ. Балтійско-славянскіе храмы, какъ мы видѣли, и по плану своей постройки, и по украшеніямъ стѣнъ и воротъ, и по заключавшимся въ нихъ сокровищамъ, наконецъ, по украшавшимъ ихъ пурпуровымъ завѣсамъ и складамъ пурпуровыхъ одеждъ, представляютъ поразительное сходство съ храмами

(идворцами) народовъ передней и Малой Азіи. Идолы балтійскихъ славянъ, независимо отъ широко развитаго въ нихъ древнеарійскаго принципа многоглавія, представляютъ не менѣе удивительное сходство съ идолами тѣхъ же азіатскихъ народовъ. То-же замѣчено было и относительно важнаго значенія верховнаго жреца.

Остановлюсь еще на нѣкоторыхъ, не менѣе интересныхъ параллеляхъ. При разсмотрѣніи значенія *Святовита Арконскаго* (Бож. др. слав. I, 126 и сл.) я провелъ параллель между этимъ богомъ и греко-римскимъ Геракломъ — Геркулесомъ. По той роли, которую онъ игралъ въ прибалтійской области, Святовитъ Арконскій сблизается и съ финикійскимъ Геракломъ — *Мелкартомъ*, знаменитымъ святилища котораго находились въ Тирѣ, Гадирѣ (Кадиксѣ) и др. мѣстахъ. Какъ святилище Мелкарта въ Гадирѣ пользовалось въ своемъ районѣ громкою извѣстностью, служило цѣлью паломничества изъ далекихъ мѣстъ, предметомъ почитанія и другихъ народовъ, такъ и Арконскій храмъ на островѣ Руянѣ служилъ не только главнымъ религіознымъ центромъ для всего прибалтійскаго славянства, но пользовался вмѣстѣ съ тѣмъ высокимъ уваженіемъ и среди другихъ народовъ: кумиру Святовита Арконскаго, по словамъ Саксона Грамматика, давали дань не только вся славянская земля (разумеется, прибалтійская), но даже сосѣдніе государи посылали ему подарки, „предпочитая чужую вѣру своей“.

Видукиндъ видѣлъ въ одномъ изъ городовъ Вагріи *мѣдный истуканъ Сатурна* (Крона). — По свидѣтельству Діодора, въ Кароагенѣ стоялъ *мѣдный идолъ Крона* (Ваала). Между прочими божествами балтійскихъ славянъ игралъ одну изъ главнѣйшихъ ролей *Радегастъ*, имѣвшій святилища въ Ретрѣ, землѣ Редарей, а также и въ землѣ Бодричей. По преданіямъ, сообщеннымъ Бангертомъ и другими авторами, идолъ *Радегаста бодричей* въ лѣвой рукѣ держалъ *съкиру о двухъ лезвіяхъ*, т.-е. нечто вроде *алебарды*. Имя Радегастъ, сблизжаемое съ *рат* (серб.), *ратъ* (русск.), значитъ „*ратный* гость“, „*ратный* богъ.“ — У Карійцевъ (собственно Каріей называлась береговая область въ югозападномъ углу Малой Азіи) находимъ бога, по свидѣтельству Геродота, специально этому народу свойственнаго, извѣстнаго у греческихъ писателей подъ именемъ *Завеса ратнаго* (*Zeus stratios*); онъ назывался также *алебарднымъ*, вслѣдствіе того, что истуканъ его держалъ въ рукѣ *съкиру о двухъ лезвіяхъ* или *алебарду* (отъ лидій-

скаго слова *Labrys*). Оба *ратные, алебардные боги*, на берегахъ одинъ—Эгейскаго, другой—Балтійскаго морей, представляютъ совпаденіе довольно интересное.

У ближайшихъ западныхъ сосѣдей балтійскихъ славянъ, германцевъ, пользовались особеннымъ почетомъ *мечевые боги*, боги *меченосцы* (*Zio* или *Tug*, *Saxnôt*, *Heru* и др.). *Мечъ*, какъ и другія острыя оружія (копье, стрѣла и др.), въ первоначальномъ мифологическомъ значеніи своемъ служилъ символомъ свѣтового луча, свѣта. Вооруженный мечомъ, копьемъ и пр. свѣтовой богъ, какъ побѣдитель тьмы, получалъ *воинственный* характеръ. Мечевые боги германцевъ, воинственные по своему характеру, отождествлялись писателями съ *Марсомъ или Аресомъ, богами войны*. Германскій *Heru* тѣсно сближается съ балтійско-славянскимъ *Геровитомъ* (*Herovitus*) или *Провитомъ*, почитавшимся въ Гавельбергѣ и Волегаствѣ. Подобно германскимъ мечевымъ богамъ, и Яровитъ считался *богомъ войны*; по словамъ Герборда, Яровитъ „по латыни называется *Марсомъ*.“—Опять встрѣчаемъ въ Каріи, специально этой странѣ свойственнаго *бога-меченосца*, называвшагося греками Зевесомъ *златомечнымъ* (*Zeus Chrysaoreus*) и представляющаго интересную параллель съ мечевыми богами прибалтійскими.

Къ числу наиболѣе характеристическихъ божествъ делего-карійскихъ (делеги—народъ близко-родственный, если не тождественный карійцамъ) принадлежала *богиня-кормилица, богиня-мать всей живой природы*, знаменитое, пользовавшееся громкою извѣстностью святилище которой находилось въ Эфесѣ, нѣкогда принадлежавшемъ делегамъ. Греки называли эту богиню *Артемидой эфесской*. Изображеніе этой богини отличалось тѣмъ, что *вся грудь ея была покрыта многочисленными сосками*, служившими символомъ питательной, плодоносящей ея природы. Культъ Артемиды эфесской, высоко почитавшейся и греками, распространился по всей Фригіи и Каріи, также во многихъ мѣстахъ Греціи, отсюда перешелъ въ Массилію, а отсюда массилійскими колонистами перенесенъ въ разныя мѣста Иберіи. Въ Римѣ сходный съ многососковымъ образомъ Артемиды эфесской видъ имѣла *Діана авентинская*.—Среди вендовъ (остатки прибалтійскаго славянства) сохранилось преданіе о подобной же богинѣ, по имени *Цица*, что значитъ сосокъ. По свидѣтельству разныхъ старинныхъ авторовъ, записавшихъ древнее вендское преданіе о Цицѣ, это была *богиня-кормилица, мать-кор-*

милица, *мать-земля*, подательница *плодородія*; она изображалась, какъ и Артемида эфесская, съ *множествомъ сосковъ* на груди. Ея поклонялись съ особеннымъ благоговѣніемъ безплодныя женщины. Она пользовалась особымъ почитаніемъ въ городѣ *Цейцъ* (Zeitz, въ Мерзебургскомъ округѣ), получившемъ свое названіе отъ имени *Цица*.

Укажу еще на одинъ изъ интересныхъ мифологическихъ образовъ лелего-карійскихъ, а именно на *Эндиміона*, прекраснаго юношу, генія ночи и глубокаго сна: онъ спалъ непробуднымъ сномъ, *сокрытый* въ горной пещерѣ, гдѣ еженочно посѣщала его влюбленная въ него заходящая богиня луны, Селена. Имя юнаго бога производится отъ *ēu-dūw*, что значитъ *погружаюсь* во что-нибудь.—Въ числѣ коренидкихъ боговъ на островѣ Руянѣ опять находимъ мифологическую личность, по имени своему буквально совпадающую съ Эндиміономъ. Это—*Поренуть*; имя его сближается съ *поронуть* (серб.), *ropogiti* (чеш.)—*погрузиться*, означаящими буквально то же, что *ēu-dūw*. Поренуть, однако, самъ обнаруживаетъ лунную природу и представляетъ, какъ по существу своему, такъ въ особенности по внѣшнему виду, уже значительное отступление отъ соименнаго ему лелего-карійскаго оригинала.

Перун

Ограничиваюсь приведенными параллелями, указывающими на какую-то связь культа балтійскихъ славянъ съ древнѣйшими религіозными преданіями восточныхъ народовъ, какъ арійскаго, такъ и семитскаго племенъ. Своеобразныя, однимъ балтійскимъ славянамъ свойственныя черты культа, а именно: храмы опредѣленной архитектуры, съ ихъ украшеніями, пурпуровыми завѣсами, золотые, мѣдные или украшенные золотыми и серебряными атрибутами идолы, сословіе жрецовъ,—черты, какъ будто бы непосредственно заимствованныя изъ семитскаго міра; божества, сближающіяся частью съ древне-семитскими: Святovitъ (Мелкартъ), Сатурнъ (Кронъ-Ваалъ), частью съ лелего-карійскими: Радегастъ (Зевесъ ратный), Яровитъ (Зевесъ златомечный), Поренуть (Эндиміонъ), Цица (Артемида эфесская),—все это наводитъ на предположеніе, что балтійскіе славяне развились и жили при совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ прочіе ихъ соплеменники. Если бы они принесли съ собою съ востока на балтійское побережье всѣ упомянутыя преданія (при чемъ странно было бы предположить, что они *одни* изъ всѣхъ славянъ сохранили, практически примѣнили и развили

эти преданія на новомъ мѣстѣ своего поселенія), то слѣдовало бы ожидать встрѣтить центры идолопоклонства внутри страны, занятой балтійскими славянами; между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, главнѣйшіе, наиболѣе прославившіеся центры идолослуженія расположены *почти исключительно на островахъ и берегахъ* Балтійскаго моря: на *островахъ* Руянѣ (святилища Святовита Арконскаго, Руевита, Поревита, Поренута Кореницкихъ), Волынѣ (Триглавъ и другіе малые и большіе идолы) и въ *прибрежныхъ городахъ*: Штетинѣ (Триглавъ), Староградѣ, Ростокѣ, Волегаствѣ, Гостыковѣ, Колобрегѣ и др. Все это приводитъ къ предположенію, что указанныя черты культа балтійскихъ славянъ, столь разительно отличающія ихъ отъ другихъ, соплеменныхъ имъ народовъ и въ то же время сближающія ихъ съ отдаленными, чуждыми имъ восточными народами, не составляли исконнаго ихъ достоянія, а заимствованы, восприняты ими уже на новомъ мѣстѣ своего поселенія отъ какихъ-нибудь предшествовавшихъ славянамъ обитателей балтійскаго побережья, прибывшихъ сюда съ береговъ Эгейскаго и Средиземнаго морей, въ доисторическія времена, морскимъ путемъ, и основавшихъ на островахъ и берегахъ Балтійскаго моря торговыя поселенія и религіозныя центры, впоследствии сдѣлавшіеся достояніемъ пришельцевъ-славянъ. Слившись съ застигнутымъ ими на балтійскомъ побережьѣ населеніемъ, славяне восприняли отъ нихъ не только уже готовыя, выработанныя формы культа, но и своеобразныя черты характера: въ отличіе отъ прочихъ соплеменниковъ своихъ, миролюбивыхъ и кроткихъ, балтійскіе славяне сами сдѣлались отважными мореплавателями, храбрыми воинами на морѣ и на сушѣ, грабителями, жестокими, лютыми, кровожадными. Разумѣется, данное объясненіе своеобразнаго развитія культуры и нрава балтійскихъ славянъ — не болѣе, какъ предположеніе, гипотеза, требующая фактическаго подтвержденія. И кто могли быть эти предполагаемые предшественники славянъ на балтійскомъ побережьѣ?

Разсмотрѣнію этого вопроса посвященъ будетъ мною особый очеркъ.

Александръ Фаминцынъ.

2007042266